

«БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ЖЕРНОВА ВРЕМЕНИ

Александр Свистунов

Жернова времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39468328

ISBN 9785449392220

Аннотация

Данная книга является сборником лучших рассказов конкурса «Жернова времени». Пятнадцать жутких историй отправят читателя в миры, где демоны реальны и живут по соседству, а сухая логика может ответить далеко не на все вопросы. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Фунт плоти	5
История о том, почему я избил бездомного портфелем, в котором была шестифунтовая гантель	31
Последняя битва Артаксеркса Оха	60
Дневник песка	83
Черный рассвет	104
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Жернова времени

Редактор Александр Свистунов

Дизайнер обложки Андрей Альбрехтов

Иллюстратор Соня Морт

Иллюстратор Александр Павлов

© Андрей Альбрехтов, дизайн обложки, 2018

© Соня Морт, иллюстрации, 2018

© Александр Павлов, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-9222-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ФУНТ ПЛОТИ

Андрей Гавриленко

Томасина Грэм лежала на земле, раскинув руки. Голова ее была повернута налево, на восток. Глаза девушки, в которых уже скопился снег, словно искали родину – персиковые сады, магнолии с седыми бородами испанского мха на ветвях и белые дощатые домики Саммервила, Южная Каролина. Лицо мисс Грэм по цвету сравнялось с чепчиком, покрывавшем ее рыжие волосы. Серое платье почти исчезло под снежным одеялом. Лишь красную пасть раны, раскрывшейся на животе девушки, снег так и не смог спрятать.

Капитан Рэй Уоллес стоял над телом, широко расставив ноги. Казалось, никакая сила не может его сдвинуть с места. Несмотря на холодный ветер со снегом, Уоллес не стал надевать шинель. Даже сюртук он не застегнул. Чтобы каждому было видно на поясе кобуру с огромным «кольтом-драгуном».

Правее и на пару шагов позади Уоллеса стоял швед Кристоферсон. В руках он довольно небрежно держал ружье. Словно этот предмет ему вручили насильно. Но Уоллес знал, что при необходимости ружье Кристоферсона мгновенно

найдет жертву и сразит ее наповал.

По ту сторону тела Томасины стояли еще семь человек. Уоллес внимательно их разглядывал. Все семеро были похожи на оборванцев. Спасаясь от холода, они надели на себя по несколько слоев одежды – сюртуков, курток, даже фраков. На плечи накинули пледы, коврики и попоны. Поверх шапок навертели что-то вроде паранджей из платков и шарфов. Все вместе эти люди напоминали Уоллесу иллюстрации, виденные в журналах – армию Наполеона, спасающуюся из Москвы.

Но капитана интересовал не их внешний вид, к которому он уже привык за зиму, а выражение их глаз. Пятеро, не отрываясь, смотрели на Томасину со смесью страха и удивления. Шестой – возвышающийся на две головы над соседями – был слабоумный юнец, известный как Гарсон. Уоллес не видел его глаз из-за широких полей шляпы. Но в данный момент крестин его мало беспокоил. Седьмой – индеец-проводник из племени мивоков, по имени Луис. Туземец стоял, закутавшись в свое полосатое одеяло, и смотрел не на труп, а на вершины Сьерра-Невады, окружающие их со всех сторон.

Уоллес, посчитав, что общее безмолвие продлилось достаточно долго, чтобы создать напряжение, нарушил молча-

ние:

– Доктор Виноградофф. Прошу вас подойти сюда и осмотреть тело бедной мисс Грэм, на предмет причины ее смерти.

Из толпы оборванцев вышел человек. На ходу он размотал шарф, скрывающий нижнюю половину лица. Приблизившись к телу, доктор опустился на колени. Легко, почти нежно, коснулся рукой шеи девушки. А затем, запустил пальцы, затянутые в вязаную перчатку, прямо в рану. Покопался некоторое время там. Потом встал, сбросил испачканную перчатку на снег и тихо сказал Уоллесу:

– Смерть наступила от перелома шеи. А затем...

– Громче, мистер Виноградофф! – перебил его Уоллес. – Прошу вас!

– Смерть наступила от перелома шеи, – повысил голос доктор. – Затем была нанесена глубокая рана в область живота. И извлечены желудок и печень.

– Извлечены – значит, вырезаны? – все так же громко спросил капитан.

– Нет, сэр. Вырваны голыми руками.

Уоллес кивком поблагодарил Виноградова и повернулся к застывшей шестерке. Он ожег их тем самым яростным взглядом, от которого бледнели даже солдаты его лихого эскадрона. Двое из ряда сделали шаг назад. Выдержав паузу, капитан заговорил:

– Мы все застряли в этом ущелье. Терпим голод и холод. Смерть приблизилась к нам так близко, что ей достаточно одного взмаха косы. Но все это недостаточная причина, чтобы пожирать своих братьев и сестер! Подобно нечестивым женам Самарии, поедавшим своих младенцев¹. Я клянусь именем Господа нашего, что найду совершившего сей мерзейший грех и вот этой рукой отправлю в Преисподнюю!

Хрустнул снег. Один из ряда вышел вперед. Он опустил поднятый доселе воротник, и капитан узнал бледное вытянутое лицо Роберта Гимлина. Усы его, некогда изящно подкрученные, совершенно слились с отросшей за зимовку каштановой бородой.

– Что вы так кричите, наш благочестивый мистер Уоллес? – презрительно спросил Гимлин. – Нам только схода лавины с этих живописных вершин и не хватало. Мы слышали вас, сэр. Но кто вам дал право искать виновных? Я считаю и думаю, что товарищи мои со мной согласятся, что вы

лишились всяких прав командира с тех пор, как завели нас в ловушку. В эту каменную кишку, закупоренную с обеих сторон трехметровыми снежными заносами.

– Я повел вас длинным путем, чтобы избежать нападения мормонов². И потому зима нас застала в горах, мистер Гимлин.

– Мормоны – люди, мистер Уоллес. А с людьми всегда можно договориться. Чего не скажешь о камнях и снеге.

Капитан открыл было рот, чтобы возразить, но Гимлин предостерегающе поднял руку.

– Довольно, мистер Уоллес. С этого момента я не считаю вас за командира. И даже не желаю больше видеть. В этом ущелье, как известно, две хижины, построенные более удачливыми переселенцами для таких бедолаг, как мы. Вы со своим приятелем Кристоферсоном можете оставаться в той, что уже заняли. А остальные – пусть выбирают. Либо остаются с вами. Либо переселяются ко мне и господам Грейди, Бьюту и другим здравомыслящим джентльменам.

С этими словами Гимлин повернулся и пошел прочь. Через минуту за ним из ряда последовала одна фигура. Потом другая. Третья. Помедлил, и все же пошел за ними верзила

Гарсон. Индеец и доктор остались на месте.

– Мистер Гимлин! – окликнул бунтовщика Уоллес. Тот обернулся. – Я все же хочу вам сказать. Я не оставляю намерения найти каннибала. Это кто-то из нас. И пусть он услы-

шит сейчас слова Господа нашего. Все движущееся, что живет, будет вам в пищу. Как зелень травную даю вам все. Только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте. Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша. Взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его. Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека. Ибо человек создан по образу Божию³.

Гимлин зло рассмеялся и закричал в ответ:

– Если бы вы так же хорошо как Библию знали горные тропы, то мисс Грэм была бы сейчас жива. Подумайте об этом, мистер Уоллес.

Гимлин с компанией удалились. Капитан вздохнул и обернулся к трем, оставшимся с ним, людям.

* * *

– Я рад, что вы с нами, доктор, – сказал он. – И ты, Луис. Я попрошу убрать тело бедной мисс Грэм. Положите ее за хижиной. Я знаю, что земля промерзла. Но хотя бы присыпьте ее снегом. А потом добро пожаловать в наш дом. Роскошного ужина не обещаю, но тепло гарантирую.

По счастью склоны гор густо обросли лесом, и потому дров всегда было в избытке. Четверка Уоллеса собралась сначала около открытого очага. А затем, согревшись, скинув лишнюю одежду, вольно расселись вокруг стола. В ожидании похлебки, которую варил Кристоферсон. Вскоре варево было готово, и швед водрузил котел на стол.

– Копыта мула и полоски из шкуры вола, – сказал он. – Шишки да иголки. Дьявольский суп а ля «Сьерра-Невада» готов.

– Не богохульствуйте, мистер Кристоферсон, – строго сказал Уоллес. Он соединил ладони и проникновенно начал. – Возблагодарим Господа нашего за пищу сию...

– Аминь! – рявкнул Кристоферсон и полез ложкой в котел.

Некоторое время все молча хлебали жиденькую похлебку. Но уже вскоре ложки заскребли по дну котелка и люди, один за другим, совершенно не насытившиеся, разочарованно откинулись на спинки стульев.

Виноградов достал из кармана своего засаленного сюртука чируту⁴. Прикурил ее от очага и с наслаждением затянул-

ся. Все это время Кристофферсон жадными глазами за доктором. Наконец он не выдержал и жалобно попросил:

– Если это последняя, то хотя бы на разок затынуться оставьте, док.

– А вы, мистер Кристофферсон, достаньте бутылку виски, – сказал Уоллес. – Ту самую, что вы спрятали между ножкой своей кровати и стеной.

Швед что-то недовольно буркнул, но все же полез под кровать. Оттуда он извлек початую бутылку и разлил всем виски. Выпили за здоровье. Помолчали, воздавая должное благородному напитку.

– Жажда и голод, – нарушил молчание Уоллес. – Золотая лихорадка в Калифорнии – жажда наживы, привела нас сюда. А теперь голод убивает нас. И если бы истощение от нехватки пищи приводило к смерти. Но случается нечто ужасное. Человек убивает другого человека, чтобы избавиться себя от мук голода. Бедняжка Томасина уже была сиротой, потеряв родителей в пустыне Великого Соленого озера. И вот сама погибла.

– Фунт плоти, – задумчиво сказал доктор и передал окурок Кристофферсону.

– Простите, что? – удивленно спросил Уоллес.

– Фунт плоти, – повторил Виноградов. – Какова его цена здесь, в Сьерра-Неваде? Золото? Берите выше. Сама жизнь.

– Вы хотите сказать, что убийства будут продолжаться? – спросил Уоллес.

– Более чем вероятно, – спокойно ответил доктор.

На некоторое время в хижине воцарилось подавленное молчание. Первым снова заговорил капитан.

– Послушайте, Пол, – обратился он к доктору. – Ведь вас, кажется, так зовут?

– Можно и так, – улыбнулся Виноградов.

– За всех кто собрался в этой хижине, я ручаюсь, – продолжил Уоллес. – Позвольте мне их представить подробнее. Кристофер Кристоферсон – отчаянный кавалерист. Мы с ним прошли всю Мексиканскую войну. От взятия Санта-Барбары до штурма Чапультепека. Он не раз спасал меня, а я его. Луис – крещен в испанской миссии Сан-Диего. Провел десятки караванов через горы. И хоть один из них

сквернословящий безбожник и пьяница. А другой – католик. Но я за каждого поручусь, как за родного брата. Вместе мы не раз проводили переселенцев от берегов Миссури до Калифорнии. Попадали во всякие переделки... А вы, доктор Виноградофф? Я, конечно, знаю кое-что о вас. Но все же...

Уоллес смущенно замолк.

– Вполне уместный интерес в данных обстоятельствах, – успокоил его доктор. – Меня зовут Павел Алексеевич Виноградов. Я родился и вырос в Форте Росс. С юности ходил на кораблях Российско-американской компании. Обучился ремеслу флотского врача. Как видите, спасти жизни мне привычнее, чем их отнимать... После продажи форта скитался какое-то время по Американскому континенту. Искал новый дом. Но так и не нашел. До того, как застрять в этих горах, направлялся в Сан-Франциско. Хотел повидать родные места. А затем, на берегу океана, решить, оставаться или ехать на землю предков.

– Как я и думал, вы – истинный джентльмен, – проникновенно сказал Уоллес. – И продолжаю утверждать, что под этой крышей собралось лучшее общество в горах Сьерра-Невада. Но как быть с паршивыми овцами? С компанией мистера Гимлина. Убийство совершил наверняка кто-то из них.

– Я бы и думать забыл про старика Бьюта и дурачка Гарсона, – проворчал Кристоферсон.

Уоллес прикрыл глаза, представляя себе названных людей. Бьют – низкорослый, сморщенный, с седыми патлами, торчащими из-под нелепого в горах цилиндра. Вечно кутается в свой шотландский плед и показывает всем дагеротип сына. Тот поехал в Калифорнию за удачей, да так и пропал.

И великан Гарсон – так его все называют. Настоящее имя никому не известно. Двухметровый идиот, восемнадцать лет. Почти не говорит. Из уголка свисает нитка слюны. Папаша-француз тащил его из Нового Орлеана. Хотел приспособить к тяжелой работе на приисках. Да сам загнулся еще по дороге к горам. И теперь Гарсон неприкаянно бродит среди переселенцев, не понимая, где находится.

– Пожалуй, соглашусь, – сказал Уоллес. – Остаются трое. Патрик Мерфи...

– Чертов ирландец, – фыркнул швед.

– Мистер Кристоферсон! – машинально осадил его Уоллес, не открывая глаз.

Он словно наяву увидел Мерфи. Рыжие волосы, простодушное лицо. Руки с большими крестьянскими кистями. Мерфи покинул Ирландию, спасаясь от Великого голода. Только и за океаном, в Нью-Йорке, не обрел счастья. Решил пересечь континент, чтобы найти удачу. Судя по всему, многое знает о голоде и как с ним бороться.

– Сэм Грейди, – назвал следующего капитан.

Погонщик волов. Широкоплечий, краснолицый. Молчалив. Вечно жует табак. Кажется родом со склонов южных Аппалачей. Из тех мест, где мясо опоссума почитается за редкий деликатес. А отцы спят с дочерьями.

– И наконец, наш неподражаемый мистер Гимлин, – сказал Уоллес, открывая глаза. – Я расскажу вам, что это за птица. Мне о нем поведали еще в начале пути. Он шулер. Едет в Калифорнию обирать золотоискателей. А до этого владел борделем в Бостоне. Такие, как он, и мать родную зарежут. Притом в спину или во сне. Мистер Гимлин скользок и коварен, как тот змей, что соблазнил Еву в Эдемском саду. И если бы я не осуждал азартные игры, то все деньги поставил бы против него.

– Что ж, круг подозреваемых очерчен, – сказал Виноградов. – Но позвольте указать еще на одно обстоятельство. Я

долго сомневался, ибо не совсем уверен в выводах. Но теперь, все обдумав, решил, что не ошибся. Дело в том, что мне не ясно, каким оружием или орудием нанесена рана девушке. Кажется, ее плоть рвали когтями.

– И кто же это мог быть, по-вашему? – возмущенно спросил Уоллес. – Позвольте напомнить, что я не новичок в этих горах. Мы сразу отмечаем медведя. Сейчас зима. Кугуар или волки? Да снегом занесло следы. И мы ничего не можем утверждать. Но почему хищник не забрал добычу с собой? Его спугнули? Тогда самое главное. Вы же сами сказали, что девушка умерла от перелома шеи? Какой хищник способен на такое?

Виноградов хотел было что-то сказать, но его опередили.

– Это сделал сасквотч, – впервые заговорил Луис.

– Кто? – доктор живо повернулся к индейцу.

– Дикий человек гор, – ответил тот. – Огромный, как медведь. Весь покрыт волосами. Я слышал, недавно в горах убили женщину-сасквотча и двоих детенышей.

– Ерунда! – воскликнул Уоллес. – Байки, чтобы пугать новичков в горах. Я никогда не видел этих тварей. И не знаю

ни одного человека, который бы их встречал. Я думаю, все объясняется проще. Негодяй сломал девушке шею. А затем рассек ей живот каким-то грубым самодельным ножом. После чего, обезумев, убийца стал расширять рану, разрывая края. Что скажете, доктор?

Ответом послужил храп Кристоферсона. Швед больше всех налегал на виски и теперь сидя спал, свесив голову на грудь.

– Что ж, неплохой совет, – усмехнулся Уоллес. – Предлагаю всем отдохнуть и поспать. Но при этом выставить караул, на случай возвращения убийцы. И первым буду дежурить я.

Аккуратно, чтобы никого не разбудить, Уоллес выбрался из хижины. Ветер стих. На чистом черном небе сверкали звезды, напоминающие россыпи ледышек. Капитан зажег фонарь и, топча хрустящий снег, медленно двинулся вдоль бревенчатой стены дома.

Уоллес обогнул хижину и застыл, пораженный увиденным зрелищем. На сугробе, неприкрытая ничем, даже одеждой, лежала Томасина. Ее белая кожа почти сливалась со снегом. Раны на гладком животе не было видно.

Капитан стоял, не в силах ни шевельнуться, ни произнести хоть слово. Лишь фонарь качался в его дрожащей руке. Томасина открыла глаза. Вместо обычных белков и радужки, у нее оказались черные провалы. Девушка подняла руки и опустила на живот. Пальцы стали разрывать плоть. Словно уродливый рот, открылась рана.

– Ешь меня! – завизжала Томасина. – Ешь меня, Рэй!

Уоллес вздрогнул и проснулся. Стер обильно выступивший пот со лба. Огляделся. В доме все спали. Капитан встал со стула. Прошел к двери. Снял фонарь, висевший на гвозде у притолоки. Стараясь не скрипеть петлями, открыл дверь и вышел наружу.

Ветер стих. На чистом черном небе, сверкали звезды, напоминающие россыпи ледышек. Уоллес с удовольствием вдохнул холодный воздух. Покачал головой, вспоминая кошмар. Смущенно хихикнул. Он уже собирался вернуться в дом, как какой-то звук, донесшийся из-за хижины, привлек его внимание.

Убедившись, что револьвер все еще висит на поясе, Уол-

лес тихонько двинулся вперед. С каждым шагом звуки становились явственнее. Это были хруст, хлюпанье и жалобное поскуливание. Капитан осторожно обогнул угол. Поднял фонарь повыше...

Сугроб, который скрывал тело Томасины, был разворочен. Над трупом склонилась маленькая горбатая фигурка. Она копошилась в теле девушки. Хруст становился все громче. Уоллес ошеломленно выдохнул. Фигурка повернула голову в его сторону. Капитан увидел морщинистое лицо, торчащие во все стороны седые волосы, испачканный чем-то темным подбородок.

– Мистер Бьют? – растерянно спросил Уоллес.

Старик выпрямился. Оскалил красные зубы. И тут же оглушительно заверещал:

– Хочу есть! Хочу есть! Хочу есть!

Бьют шагнул к Уоллесу. Капитан заметил в его руке окровавленный нож. Револьвер словно сам покинул кобуру и прыгнул в руку. Уоллес не целясь, выстрелил. Старик рухнул в снег.

Откуда-то со стороны хижины Гимлина послышались

крики. За спиной Уоллеса, в доме, тоже зазвучали громкие голоса. А он все стоял и смотрел, как пороховое облачко тает в холодном воздухе.

Из-за угла появились Кристоферсон, Виноградов и Луис. Они остановились рядом с Уоллесом и молча уставились на жуткую картину – растерзанный труп девушки и тело старика, скорчившегося рядом. От мрачных мыслей их отвлек хруст торопливых шагов. Уоллес и остальные обернулись. К ним, размахивая руками, приближался человек. По рыжей шевелюре капитан узнал Мерфи. Ирландец кричал, задыхаясь на ходу:

– Мистер Уоллес! Доктор! Там Грэйди! Его убили...

– Перелом шеи, как и в предыдущем случае, – сказал Виноградов, выпрямляясь. – Только в этот раз у тела оторвана рука.

Они собрались над телом погонщика. Труп нашли недалеко от выгребной ямы. Видимо, Грэйди шел туда по нужде. А смерть свою он встретил в тот самый момент, когда Уоллес застрелил Бьюта.

– Но я же убил каннибала, – тихо сказал капитан.

– Очевидно, мистер Бьют был не хищником, а падальщиком, – ответил Виноградов. – Он лишь хотел воспользоваться плодами преступления настоящего убийцы.

Уоллес покачал головой. У него не было ни слов, ни идей.

– Возвращаясь к вчерашнему разговору, – продолжил доктор. – Обратите внимание на то, что осталось от руки Грейди.

Капитан послушно посмотрел на осколок белой кости, окруженный лохмотьями красного мяса.

– И вы согласитесь, – сказал Виноградов. – Что рука именно вырвана, а не отрублена и не отпилена. Как вы думаете, мистер Уоллес? Способен ли человек оторвать руку другому человеку?

Уоллес поднял глаза, чтобы посмотреть на доктора. Но вместо этого встретился взглядами с Луисом. Индеец напряженно смотрел на капитана.

– Любопытно, – тихо сказал Виноградов. – Кажется в уцелевшей руке Грейди что-то зажато.

Доктор склонился над трупом. С помощью ланцета разжал кулак. Взял что-то, выпрямился и протянул Уоллесу. В ладонь капитана опустился клочок шерсти. Волоски были жесткие, коричневатого оттенка.

– Это не волосы человека, – сказал Виноградов.

– И не шерсть какого-либо известного мне хищника, – пробормотал Уоллес.

Маленький клочок внезапно вернул уверенность капитану. Он оглядел стоящих рядом людей и решительно сказал:

– Я приношу извинения. Я напрасно подозревал в страшном преступлении кого-то из вас. Во всем виновата неизвестная хищная тварь. Мистер Гимлин! Надеюсь, до разрешения кризиса мы забудем наши раздоры?

Шулер не смог справиться с трясущимися губами и лишь согласно кивнул.

– Отлично! – воскликнул Уоллес. В его голосе прорезались командирские нотки. – Слушайте меня! Отныне мы все живем вместе, в одной хижине. Каждый постоянно носит с собой оружие. Даже если ему нужно выйти на пару минут

по нужде. По ночам будем выставлять караулы. Ну а кроме обороны, я предлагаю нападение. Есть среди нас хорошие охотники?

Вперед выступил швед.

– Хорошо, мистер Кристоферсон, – улыбнулся капитан. – Вы устройте засидку, вон на том склоне, у северного входа в ущелье. Судя по всему, тварь огромная. Не промахнетесь. Ну а если она не появится через четыре часа, то вас сменят. Кто еще?

Индеец поднял руку.

– Хорошо, Луис, – сказал Уоллес. – Твой проход – южный. Сам выбери себе место.

– Мой отец был великий воин, – сказал мивок. – Пора вспомнить, как он назвал меня при рождении. Теперь зови меня Куейен – меткий стрелок.

– Пусть Господь направит ваши руки, – пожелал обоим охотникам Уоллес.

Уоллес поднимался по склону горы, опираясь об обледенелые валуны. Отсюда ему была видна белая стена снега, закрывшая проход. Где-то здесь, среди серых камней, должен был находиться Луис, стороживший южную половину ущелья. Кристоферсон уже вернулся со своего поста и теперь отогревался у очага. Но индеец так и не появился. И теперь Уоллес разыскивал его.

– Луис! Эй, Луис! – кричал капитан. Но лишь эхо было ему ответом.

Уоллес уже отчаялся, когда заметил что-то желтое. Капитан бросился вперед, спотыкаясь о камни. Несколько шагов и вот перед ним лежит индеец, в своей желтоватой оленьей куртке с бахромой. Луис лежал лицом вниз. Затылок его был расколот, словно перезревшая тыква. А красновато-белая масса, виднеющаяся среди черных волос, уже покрылась инеем.

Уоллес опустил на одно колено и осторожно сбросил тело Луиса с плеча на снег. Капитан тяжело дышал. Спуск с трупом дался ему нелегко. Но он нашел в себе силы встать. Пятеро выживших столпились вокруг него.

– Никто не смог бы подобраться к мивоку по имени Куей-

ен незамеченным, – капитан переводил взгляд с одного человека на другого. – Значит, того кто к нему приблизился, индеец знал. И еще мы знаем, что убийца огромен.

Уоллес шагнул вперед, раздвигая плечами людей. Прямо к стоявшему в отдалении Гарсону. Капитан выхватил револьвер и направил на сторбившегося великана.

– Ты ведь знаешь, что за штука у меня в руке, милый мальчик? – спросил Уоллес. – Так что будь любезен, не шевелись.

Позади капитана возмущенно зашумели. Но он, обращая на это внимание, стволом кольца сбил шляпу Гарсона, а правой рукой сорвал шарф прикрывавший лицо верзилы. Открывшее зрелище, заставила Уоллеса вздрогнуть. На него смотрело то, что можно назвать мордой обезьяны. Морщинистое лицо, обрамленное рыжеватой шерстью. Выступающая челюсть. Мощные надбровные дуги. Тонкие губы. Плоский нос. Сужающийся кверху череп. И большие карие глаза.

Существо оскалило крупные желтые зубы и подняло огромные кисти, обмотанные якобы от холода, несколькими полосами ткани. Но Уоллес был быстрее. Он выстрелил. И на безразмерном пальто сасквотча, появилась маленькая черная дырка. Создание взвизгнуло, повернулось и бросилось бежать к лесу.

Уоллес левой рукой взвел курок, прицелился и выстрелил в спину убегающего сасквотча. Существо споткнулось и упало на колени. Спустя мгновение поднялось и, пошатываясь, медленно двинулось к вожделенному лесу. Капитан снова взвел курок и снова выстрелил. Сасквотч рухнул лицом вниз. Но тут же зашевелился и пополз, оставляя красную полосу на белом.

Снег вокруг хижин был утопан. Но чуть подальше начались сугробы. Уоллес сразу же провалился по колена, когда пошел за сасквотчем. Остальные, ошеломленные происходящим, остались на месте. Продираясь через сугробы, капитан, задыхаясь, кричал существу:

– А вы хитрец, мистер Сасквотч! Незаметно убили нашего тихого идиота. Забрали себе его безразмерную одежду и стали прятаться среди нас, изображая Гарсона. И потихоньку убивали одного за другим. Чтобы сразу вас не обнаружили. А дабы не умереть с голоду, закусывали мясом жертв. Ловко устроились! Bravo!

Уоллес, наконец, добрался до сасквотча. Существо перевернулось на спину, чтобы видеть врага. Сасквотч тяжело дышал, на губах выступила кровавая пена. Капитан в очередной раз взвел курок и прицелился прямо между больших

карих глаз создания.

– Я не знаю, есть ли место в Преисподней для таких, как ты. Но если есть, то туда я тебя и отправлю, – сказал Уоллес и нажал спусковой крючок.

Некоторое время капитан молча разглядывал мертвого противника. Потом, сквозь звон в ушах от выстрелов, услышал крики приближающихся людей. Уоллес обернулся к ним и закричал:

– Доктор! Несите ваши хирургические инструменты.

– Зачем? – удивился Виноградов.

Капитан показал на тело сасквотча и засмеялся:

– Тут не один, и не два фунта плоти. Этого мяса нам хватит до таянья снегов.

Затем, Уоллес посмотрел на далекие вершины Сьерра-Невады и тихо, сам себе сказал:

– Надеюсь.

1) 4-я Книга Царств 6:25—30

2) Мормоны крайне негативно относились к переселенцам не мормонам проезжающим их земли.

3) Бытие 9:3—6

4) Чирута – сорт маленькой сигары

История о том, почему я избил бездомного портфелем, в котором была шестифунтовая гантель

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ

Каждый когда-нибудь представлял свою смерть. Да что там, когда-нибудь – если вы живете в Цинциннати, вы представляете её каждый день, выходя из дома, особенно после убийства того замечательного чернокожего проповедника в Техасе. Хоть он и боролся против расизма, его сторонники, почему-то, решили, что виноваты всё равно белые, в среде которых сразу стало считаться верхом неприличия гулять по городу без «кольта».

Но, если по-хорошему, смерть должна быть запоминающейся и общественно полезной. В ареопаге, с чашей цикуты в руке, исключительно по той причине, что ты слишком умен и хорош для этой компании, и твоя воспитанность не позволяет тебе слишком долго унижать окружающих своим абсолютным превосходством. Или в бою с очень нехорошими людьми, на холме, чтоб твой легендарный героизм видело как можно больше соратников и противников. И в столетнем возрасте, когда умирать уже не жалко. Обязательно твою смерть должны поместить в школьную программу, воспеть

на телевидении и радио, и нарисовать на трехметровом полотне. И чтобы рисовали не жалкие шарлатаны из «Школы мусорных ведер», а кто-нибудь вроде Константина Брумиди.

Я же вполне удовлетворился бы смертью от руки религиозного фанатика со снайперской винтовкой, чья пуля пронзила бы мне сердце в ходе публичной дискуссии с, скажем, Папой Римским и главой Южной баптистской конвенции, на глазах миллионов людей, наблюдающих за эпохальной победой интеллекта над религией, в прямом эфире. Но, в шестидесятых смерть от снайперской пули стала такой безыскусной банальностью, граничащей с пародией, что мой религиозный фанатик решил обойтись старым добрым ножом.

И да, конечно же, моя смерть наступила ровно в тот момент, когда я меньше всего её ожидал и категорически не был к ней готов. Я мчался, сломя голову, по Уолнат-стрит, к дверям издательства, широко размахивая портфелем и проклиная свою неудержимую тягу к риску. Потому что съесть этим утром сваренное позавчера яйцо было делом рискованным. Я уже во всех деталях спланировал свой путь от вестибюля издательства к заветной дверце с лаконичной табличкой «WC», и, можете представить мою досаду, когда широкое зазубренное лезвие оборвало мой забег практически у финишной черты.

Каково это, когда невымытый и нечесанный мужлан неожиданно возникает перед тобой и вставляет тебе в живот огромный охотничий нож? Это больно.

И тут я хочу поругать всех нами любимых, и не очень, писателей. Помните, как они частенько описывают приключения своих героев? «Джим рухнул вниз с Эмпайр-стейт-билдинг, пролетел полмили и, ударившись головой об асфальт, потерял сознание. Очнулся он уже в больнице, в окружении родственников, друзей, девушек из варьете и легким головокружением».

Да, черт побери, многочисленные герои тонут, горят, получают пулю или, даже, целый снаряд. А уж, сколько их было пронзено всевозможным холодным оружием, до того, как пистолеты вошли литературную моду. И что с ними происходит? В самый ужасный момент они впадают в беспамятство, чтобы через неизвестный промежуток времени очнуться в куда лучших условиях.

И вот, стоя с ножом в животе и наблюдая за кровавой Ниагарой, извергающейся из моего нутра на тротуар, я решил последовать примеру сотен литературных героев и потерять сознание. Закрыв глаза. Абстрагировался. Представил себя под самым сильным обезболивающим, который только можно было найти в Огайо... Нет, на всём Восточном побережье. И, в компании милой медсестры, поправляющей мне подушку. Однако, открыв глаза, я обнаружил себя всё на том же месте, и передо мной стояла не медсестра, а мой ненавистный – а я его сильно возненавидел в тот момент – убийца и мускулистой рукой проворачивал внутри меня свой чертов нож.

Поэтому, не верьте чертовым писателям. Даже докумен-

талистам.

Я закричал и решил, что пора спастись собственными силами, но последние, как раз, решили меня предательски оставить. И тогда я понял, что умру так. Зарезанный посреди американского захолустья каким-то бездомным, в луже собственной крови и нечистот. И полицейские, обводящие моё бездыханное тело мелом, будут с отвращением морщиться и кидаться туалетными шуточками.

И только я смирился с вечным ничто, настигшим меня, как с лавочки, стоявшей напротив вестибюля издательства, поднялся седой джентльмен, одетый в старомодный сюртук и цилиндр, и приблизился к нам. Ко мне и моему убийце.

– Доброе утро! – с нескрываемой насмешкой в голосе соврал джентльмен. – Как ваши дела, мистер Фелпс?

Сколько остроумных ответов вы уже придумали, чтобы поставить на место наглеца, издевающегося над умирающим? Я бы придумал не меньше. Но не в тот момент, когда моя нервная система по степени накала соперничала с эпицентром взрыва ядерной бомбы, и нейроны, отвечающие за остроумие, попросту не могли пробиться сквозь болевые сигналы, забившие мозг. Тем не менее, я немного удивился и поразмыслил о том, что может содержаться в голове негодя, задающего столь нелепые вопросы в столь неуместной ситуации.

– Ммм, страдания мешают вам выражать мысли, – догадался незнакомец, и снедающий меня изнутри огонь мгно-

венно потух.

Когда дар речи вернулся ко мне, первым делом я произнёс семь грязных слов, которые года через три сделает известными один хиппующий клоун, повторив их во время радиопередачи. Я же на публику не играл, но, в данный момент, они как нельзя лучше характеризовали моё душевное состояние. Вдобавок, из меня по-прежнему торчал нож, за рукоять которого по-прежнему держался самый ужасный убийца, которого я когда-либо видел. Для меня он затмил даже Гитлера. Поэтому меня можно было понять.

Нельзя было понять другое. Застывший, вдруг, как на фотографии, мир вокруг меня. Прохожие, автомобили, капли моей крови, птицы, вспугнутые мои воплем – всё оцепенело. И только незнакомец барабанил пальцами по подбородку, с любопытством глядя на мой вспоротый живот.

– Можно сказать и так, – ответил чужак в сюртуке на вопрос, который ещё не успел слететь с моих губ.

* * *

– Но, смерть – понятие очень неточное. Вот, например, клиническая смерть – это и не смерть вовсе, а зовётся смертью...

– Да-да, я очень похож на безумного шляпника с замашками лингвиста, но мне так редко удаётся с кем-то поговорить, – снова опередил только что сформулированную мною

фразу, безумный шляпник с замашками лингвиста, которому, похоже, редко удавалась с кем-то поговорить.

– Рот! – выкрикнул я, даже не думая о том, что именно я выкрикну, чтобы перехватить инициативу.

Незнакомец, кажется, удивился. Поэтому, чтобы закрепить успех, я продолжил кричать:

– Овца! Рука! Ветчина! Взрыв! Нога!

– Кажется, я понял, – догадался шляпник, – вам не нравится, когда я читаю ваши мысли и отвечаю на ваши реплики до того, как вы произнесете их вслух.

– Чертовски правильно! – не снижая громкости, ответил я, и ощутил блеклое подобие триумфа.

Оценив ситуацию, я пришел к выводу, что раз мне дозволено двигать губами, голосовыми связками и прочими мышцами, ответственными за речь, то и нож, наконец-то, я смогу вынуть из своего желудка. Не тут-то было. Данная логика тут не сработала, и я по-прежнему не мог пошевелиться. А единственный шевелящийся человек на улице замолчал и сосредоточил свой взгляд на моём рте, будто с нетерпением ожидал, когда я что-нибудь ему скажу. Признаться, он мне даже напомнил маленького бесполезного терьера, жившего в деревне у моей кухни. Кучерявая блохастая тварь с такой же надеждой взирала на всякого, в чьих руках оказывался её резиновый мячик, пока он не был брошен, чтобы она, развив третью космическую скорость, исполнила своё вселенское предназначение – догнать и обхватить его каучу-

ковую плоть зубами.

Кстати, однажды собачонка погрызла мои оксфорды, и я отомстил ей, зашвырнув мячик на соседний участок, где жил кот, воспитанный не то волками, не то злыми клоунами из Rolling Stones, судя по повадкам. Терьеру крепко досталось тогда, и теперь я размышлял над тем, как повторить этот фокус с незнакомцем, ожидавшим моих слов, как манны небесной. Потому что, сложив два плюс два, я обрел уверенность в том, что он имеет самое прямое отношение к происходящему здесь и сейчас преступлению в отношении моей драгоценной персоны. Увы, подходящих слов, чтобы заставить его броситься под машину или разбить свою ухмыляющуюся физиономию о ближайшую стену, я не нашел.

– Кто вы такой? – задал тогда я самый важный вопрос, на тот случай, если их количество было лимитированным.

Вразумительного ответа не последовало. Мой собеседник расплылся мыслью по дереву и углубился в недра философии, которые я благополучно пропустил мимо ушей. Раз он не был способен внятно, в двух словах, представиться, то не в моих правилах было продолжать с подобным типом беседу. Чтобы не терять попусту время. Но ввиду того, что разговаривать здесь больше было не с кем, а время буквально остановилось, я решил изменить своим принципам и предложил нам переместиться в более подходящее для беседы место. Под этим местом я подразумевал абсолютно любое место, в котором из меня не будут вываливаться внутренне-

сти и торчат огромный нож.

– Думаете, мне это под силу? – поинтересовался ироничным тоном незнакомец. – Вы ведь не верите в сверхъестественное.

– Зато я доверяю своему опыту, и знаю, что если человек способен вытащить кролика из шляпы, то он и четвертак у меня из носа запросто выудит, – ответил я. – Поэтому нет ничего сверхъестественного в том, что вы, будучи способным остановить время, по щелчку пальцев сможете перенести меня на лужайку перед Белым домом.

– Даже в такой ответственный момент, как собственная смерть, вы умудряетесь шутить. Похвально.

– Не похоже на смерть, – парировал я. – Смерть подразумевает прекращение деятельности мозга, как минимум. Я же мыслю, следовательно, не умер.

Безумный шляпник, или кто он там был, внезапно по-мрачнел и сказал:

– Ладно. Хватит пустословия. У нас есть кое-какие дела. Пойдем.

И даже пальцами щелкать не стал. Просто перенес меня в совершенно темное помещение, о границах которого я мог только догадываться, поскольку не мог разглядеть стен. В центре всепоглощающей черноты вращался голографический глобус, сотканный то ли лазерами, то ли фотонными излучателями – честно говоря, я не слишком разбираюсь в дурацких терминах из мира кинофантастики. И этот гло-

бус четко давал понять, что мой новый знакомый – не волшебник, а обладатель внеземных технологий, и на душе сразу стало немного теплее. Всё-таки благочестивому атеисту разговаривать с волшебниками и прочей фольклорной нечистью не пристало. А вот с инопланетянами или пришельцами из будущего – запросто. К тому же мой племянник как-то водил меня в кино посмотреть на инопланетных роботов, стреляющих лазерами, и я был готов ко всему, что с ними связано.

– Клаату барада никто, – сказал я, будучи твёрдо уверен, что если шляпник-пришелец – плод моего воображения, то заклинание наверняка сработает, как в фильме.

И что вы думаете? Сработало. Он не стал уничтожать Землю, а всего лишь сделал легкое движение указательным пальцем, после которого по всей голограмме зажглись мириады разноцветных огоньков. Я сразу же уставился на них, как загипнотизированный.

– Знаешь, что в твоём портфеле? – поинтересовался пришелец.

– Запасной носовой платок, миниатюрная самоочищающаяся щетка для обуви за два девяносто де..., – начал я было перечислять, но шляпник совершенно перестал воспринимать мою иронию и стальным тоном оборвал меня на полуслове.

– Там книга.

– Там книга, – послушно повторил я и покосился на свой

живот.

Он был как новенький, без всяких посторонних предметов, и даже рубашка, заманчиво облежавшая мой пивной животик, казалась куда более чистой, чем была в момент выхода из дома. Сомнений не оставалось – если такой серьезный джентльмен, справляющийся одним щелчком не только с распоротым брюхом, но и с чисткой старых рубашек, говорил, что у меня в портфеле книга, оспаривать его слова не следовало. Хотя, на самом деле, никакой книги у меня не было. Только неоконченная рукопись.

– Смотри, как гаснут огоньки, – сказал шляпник, и я действительно обратил внимание на Восточное побережье, становившееся всё темнее.

– Ноябрь этого года, – пояснил мой новый знакомый. – Твою рукопись издали и, и права на неё выкупили у твоей кузины все издательства от Сиэтла до Далласа. Смотри, уже ноябрь семидесятого...

– Ого! – искренне изумился я. – Мы еще и во времени путешествуем? А можно в прошлое? На пару месяцев назад, и на Луну.

– Сорвать евхаристию Эдвину Олдрину? – шляпник поморщился так, будто я только что оседлал одноногую слепую индианку. – Что за бред в твоей голове?

– Это не бред! – вступился я за свой бред. – Он выставил на посмешище всех ученых и инженеров, трудившихся над величайшим достижением цивилизации – полёта чело-

века на Луну! И всё ради того, чтобы и там устроить поедания крови и плоти величайшего шарлатана в истории? Только перенеси меня туда на секундочку, я выбью у него...

Тут я задам вопрос, который можно было бы считать риторическим, будь я так уверен, что мой рассказ не попадет в руки одного из отважных лунных первопроходцев. Но, уверенности у меня такой нет, и, с некоторой надеждой, объявляю мой вопрос не риторическим.

Были ли вы когда-нибудь на Луне?

А вот теперь риторический. Были ли вы когда-нибудь на Луне без скафандра?

– Ну как? – полюбопытствовал шляпник, в голос которого вернулись нотки иронии.

Я похлопал глазами. Ощупал своё тело. Несколько раз глубоко вздохнул. И понял, что на сегодня мне уже хватит невыносимых смертельных мук. К тому же, на Луне я умер намного быстрее, чем успел заглянуть в иллюминатор лунного модуля, где святоша Олдрин совершал свои невразумительные манипуляции с продуктами питания.

– Вернёмся к твоей книге? – спросил шляпник тоном учителя, которому очень не хочется выворачивать нашкодившему ученику еще и второе ухо.

Я кивнул. После смерти на Луне вариант с книгой и мерцающими огоньками на голографическом глобусе казался невероятно хорошим.

– В чём суть? – очень бодрым и заинтересованным тоном сказал, максимально вовлекаясь в беседу. – Моя книга станет бестселлером и потушит огоньки... А что это за огоньки вообще?

– Огоньки веры, – будничным тоном ответил шляпник, перечеркнув двумя словами все мои надежды на его научно-фантастическую природу.

– Посуди сам, – продолжал он. – Тебя у входа в издательство жестоко убил полоумный представитель адвентистской секты, чтобы помешать опубликовать венец твоего творчества – книгу о жестокости христианского Бога. По радио и телевидению, во всех газетах страны твоё фото, выдержки из твоих статей и публичных дискуссий. Ты – икона атеизма. Мадалин О'Хэйр произносит в Вашингтоне пламенную речь в твою память. Она заканчивает и редактирует твою книгу, и та расходится миллионными тиражами. Люди массово покидают церкви, потому что твои доводы очень убедительны. «Бог – жестокий эгоистичный ребенок, перед деяниями которого меркнет даже Холокост. Хотите служить такому богу? Так чем вы лучше нацистов?». Люди цитируют...

– Меня, – вставил я, наконец, слово в меланхоличную тираду шляпника. – Ну и что? Это же победа! Ради такого стоило умереть.

Мой собеседник хитро прищурился, глядя, словно, сквозь меня, и спросил:

– Ты действительно так считаешь?

Я вспомнил свою первую смерть (ну та, с ножом в животе, на случай если вы стали путаться в моих смертях) и сразу же усомнился в собственных словах.

– Я не об этом, – хмыкнул шляпник, – я о жестокости бога.

О, жестокость всемогущего и эгоистичного героя греко-еврейского эпоса была моим коньком в каждой интеллектуальной дуэли с верующими. Если вы встречали слащавых проповедников с зализанными волосами и маслянистыми глазами, то знаете их любимую песенку о том, как бог любит вас. Безусловная божья любовь. Как, вы еще не читали послание его любви – евангелие? Так вот же оно! Совершенно бесплатно, в красивой глянцевой суперобложке! Иисус умер за тебя, чтобы ты не провел свою вечность в аду... Зачем я вам всё это рассказываю? Это ведь такие же обыденные в наше время вещи, как коммивояжеры и марихуана. И, конечно же, в независимости от того, стали ли вы жертвой божьей любви или нет, вам известны истории о всемирном потопе и прочих геноцидах, случавшихся в истории не раз, и не два, и, по мнению некоторых хиппи, один из них происходил прямо сейчас во Вьетнаме, где, по проверенным данным, уже погибло три миллиарда вьетнамских детей и, чуть больше, американских солдат. Конечно, я считал странным противоречием безусловную любовь к тем, кого обрекаешь

на смерть и жуткие мучения. Всё равно что подойти к муравейнику и сказать:

«О, милые мои муравьишки, ненаглядные термитушки, я вас так обожаю, что всенепреренно возьму с собой в Вермонт покататься на лодке» – и швырнуть в них коктейль Молотова. Причем, совершенно неважно, в каком порядке вы это делаете. В любом случае, уверяю вас, вы не достойны любви несчастных насекомых.

Подумав обо всём этом, я внимательно посмотрел на шляпника и понял, что ему всенепреренно хочется услышать мою точку зрения, а не только читать сумбурные мысли. И я вкратце обрисовал ему ситуацию, втайне надеясь, что он пролетел сто световых лет из другой галактики не для того, чтобы укорять меня в богохульстве, и его интерес к моим отношениям с религией исключительно научный.

– Так ты веришь в существование жестокого и эгоистичного творца с садистскими наклонностями по отношению к своему творению? – уточнил шляпник в очень возмущившей меня форме.

– Конечно, нет! – издал я восклицание, полное негодования.

– А зачем тогда так трудиться над изучением и описанием того, кого нет?

Ха, усмехнулся я про себя. Это был вопрос уровня дискуссии в воскресной школе с верующим трехлетним мальчуганом. Мой собеседник сам это понял и пожал плечами.

После чего задал вопрос чуть более осмысленный.

– Неужели ты считаешь человечество настолько хорошим, что, окажись ты на месте творца, никогда и ни за что не наслал бы на Землю, скажем, потоп?

И тут я всё понял. Я был в коме. Либо, злобные хиппи похитили меня, обкололи своими ЛСД, и я пребываю в транс-се. И моя эндопсихическая сущность под влиянием чувства вины перед одноклассницами, за которыми я как-то подглядывал в школьной раздевалке, формирует образ то ли бога, то ли ангела, то ли еще кого-то, пытающегося составить конкуренцию моему эдипову комплексу... Честно говоря, я не слишком силен во всём этом сложносочиненном псевдонаучном бреде, которым многочисленные шарлатаны в кожаных креслах кормят бесхребетных кретинов за семьдесят долларов в час. Но, в данный момент я предпочитал довериться шарлатанам от науки, нежели шарлатанам от религии. Первое для атеиста было не так унижительно, как умереть и вести посмертную беседу с кем-то, чьё существование ты опровергал всю сознательную жизнь.

– Убить миллионы женщин и детей лишь за то, что раскаялся в их творении – поступок, достойный маньяка, – сказал я.

– Люди сами убивают миллионы себе подобных каждый день. Истязают. Насилуют...

– И всемогущий добрый бог легко это позволяет, – я мрачно усмехнулся.

– Бог вообще всё позволяет, ибо дал людям выбор, и они выбрали жизнь без него, когда Адам и Ева ослушались его единственной заповеди. С тех пор Земля – сама по себе. Несмотря на то, что бог постоянно даёт шанс спастись. Спастись от потопа с Ноем – но кто ему поверил? Спастись от египтян с Моисеем – но сколько раз они отворачивались от него? Наконец, бог показал, что можно прожить вполне обычную человеческую жизнь, не согрешая и не становясь рабом земных грехов – но вы, мистер Фелпс, считаете эту историю дешевым фарсом. Что бы вы хотели от творца? Чтобы он привязал к вашим конечностям ниточки и тянул за них постоянно? Выбирал за вас, что поесть, куда пойти, кого любить, что почитать...

– Вы утрируете, милейший, – воображаемый инопланетный святоша начинал меня злить. – Обладай бог теми качествами, которые декларирует каждый обманщик в рясе, то не было бы холокоста и крестовых походов.

– Значит, если кто-то, имея возможность предотвратить зло, не предотвратил его, то сам становится в нём повинен?

– Совершенно верно! – выпалил я, торжествуя.

Приятно побеждать даже воображаемых оппонентов.

– Тогда остановите его, – произнёс шляпник и исчез.

Голограмма и черный зал вокруг тоже исчезли, и я очутился в полумраке крохотной комнаты, в которой сквозь тяжелые занавески кое-как пробивался дневной свет. Всё вокруг было обставлено в стиле антикварной лавки Плешиво-

го Джо Гарднера из Ковингтона, что расположен через реку от Цинциннати. И в старой деревянной люльке, укутанный в шерстяную шаль, тихо посапывал пухлый малыш с едва пробивающейся черной шевелюрой.

– Это Гитлер, – шепнул мне на ухо голос незримого инопланетянина, который, видимо, не слишком-то любил театральные эффекты и интригу.

– Гитлер, который Адольф? – уточнил я.

Младенец услышал меня, открыл огромные черные глаза и расплылся в обворожительной улыбке.

– У меня и пистолета нет, – сказал я, окидывая комнату взглядом в поисках чего-нибудь подходящего для убийства шестимесячного ребенка.

– Возьми за ногу, размахнись и ударь пару раз о стену. Или выкинь из окна. Тут третий этаж, а внизу – прекрасная каменная мостовая, – любезно подсказал мне голос.

Я подошел к окну и отодвинул в сторону занавеску. Проводил глазами конный экипаж до ближайшего угла. Подивился оборванцам, бегущим следом и собирающим наперегонки конский навоз. Обернулся и посмотрел на малыша. Адольф Гитлер мне агукал.

– Сделай мне его чуток постарше, – предложил я.

– А какая разница? – ехидно спросил невидимый шляпник. – Для бога вы все младенцы, буквально только что покинувшие утробу. Докажи, что ты лучше бога. Останови холокост, вторую мировую...

– Эй, так не честно, – возразил я, беря с туалетного столика увесистую фарфоровую фигурку, изображавшую розовощекого гармониста, с которого гусь пытался стянуть штаны. – Бог может взять и поместить его куда-нибудь в Кордильеры, прежде чем он начнет Пивной путч. Например. А я вот не могу.

– Почему? – говоривший засмеялся.

Я посмотрел на малыша и сказал:

– Откуда мне знать, что это вообще Гитлер?

Шляпник хохотал мне в ухо так, что оно заболело. Левое ухо.

– Так ты уже веришь в то, что бог может кого-то переместить в Кордильеры? – спросил голос.

Я замахнулся. Вспомнил всё, что знал, читал, видел и слышал о нацистах и войне, о концлагерях и о геноциде, и зажмурился. Потом разжал веки и внимательно посмотрел на младенца, который с не меньшим вниманием взирал на меня. Ох уж эти младенцы, они такие милые создания, особенно когда не плачут, не гадят и не заблевывают всё вокруг мерзко пахнущей белой гадостью. И этот паренек был чрезвычайно милым. Видимо, нацистская дисциплина была привита ему с молоком матери.

– Считаю до трех, и спасти мир уже будет поздно, – шепнул шляпник.

– Всё равно, так нечестно, – сказал я, когда снова очутился в черной комнате с занесенным над головой портфелем. – Я

не предлагал богу убивать младенцев.

– Для бога нет разницы, – ответил мой воображаемый собеседник, – каким именно образом вмешаться в жизнь людей, которые не хотят этого. Что смерть, что Кордильеры – это насилие и нарушение священного принципа – свободы воли. Бог не для того дал вам свободу.

– Ладно, я понял – геноцид – это наше дело, – махнул я рукой на этого непробиваемого фанатика. – Ты меня не убедил, но, оставим твою шаткую логическую конструкцию в покое. Но, как же потоп? Или казни египетские? Если верить Ветхому завету, всё это непосредственное вмешательство бога в жизнь людей.

И тут же оказался за рулем своего небольшого грузовичка в паре кварталов от дома. Какой-то придурок сдавал назад из крохотного переулка, зажатого между высотками, и грозил врезаться прямо в мою дверь. Поэтому я, обругав его, тоже врубил заднюю передачу и сразу почувствовал легкий толчок. Выглянув из кабины, я увидел глупую девчонку, лежащую на дороге. Маленькая слепая идиотка мало того, что не смотрит по сторонам, так еще и, наверняка, что-нибудь повредила, ударившись о мой кузов. Вон, уже верещит. Тупая маленькая тварь, заткнись!

У нас на заводе один водитель так влез в огромные долги. Задел на переходе старика, и уже пятый год оплачивает ему лечение и медсестру, катающую столетнего пройдоху на коляске по парку каждый день. Продал квартиру, жена его

бросила, ушла к жирному лавочнику, жившему в его доме. А бедный Вань Ган ютится в клоповнике на окраине Биньчжоу и ест один топинамбур.

Я сдал чуть вперед, чтобы маленькая глупая девчонка смогла выбраться из-под кузова, но сразу же представил себя в пожизненном рабстве у её родителей, настолько тупых, что не научили ребенка выбирать безопасные места для игр. Представил Жуань, укоризненно смотрящую на меня, и её огромный живот, из которого уже через месяц должен был появиться маленький Ю... Разве мог я позволить какой-то глупой дурочке лишить мою семью будущего?

Сдав назад, я почувствовал, что заднее колесо подскочило. В зеркале заднего вида было видно, как девочка дрыгает ножками, пытается отползти назад. Это всё из-за того, что я еду со смены порожняком. Задняя ось совсем не нагружена...

Они живучие. В прошлом году Ти Мучьжи рассказывал, как он раз пять переехал женщину, прежде чем она, наконец, издохла. Зато, всего 170 тысяч юаней компенсации семье, и никакого долгового рабства. Да, пришлось взять кредит... Ну ничего, я тоже возьму кредит.

Проклятье, даже после пятого раза она всё еще шевелилась. Я с ужасом заметил, что последний раз её развернуло вдоль тротуара, и она, отчаянно вереща, тянулась к бордюру. Нет, определенно нужно давить её передним колесом. Да, вот так. Вот теперь, когда её маленькая головка взорвалась

переспелым арбузом, расплескавшись по асфальту, можно смело вызывать полицию и скорую помощь...

– Аааааааааааааа!

До меня не сразу дошло, что протяжный хриплый вопль принадлежит мне.

– Аааааааааааааа! – это я вопил уже вполне осознанно.

Затем, используя семь грязных слов в самых разных вариациях, я поинтересовался у невозмутимого шляпника, что это сейчас было.

– Поместил тебя в шкуру обычного работяги из Китая, – ответил тот. – Немного перенес в будущее, лет на тридцать. Так такое в порядке вещей.

– Как такое может быть в порядке вещей?! – взорвался я, швыряя в темноту портфель. – Это какое-то извращение!

– Ты был им. Ты мыслил его категориями. Неужели ты не понял, почему он так поступил?

– Аааааааааа! – заорал я снова от ощущения сверхъестественного ужаса, овладевшего мной.

Потому, что понял. Понял бедного работягу, вкалывающего по двенадцать часов ради своей беременной жены и будущего ребенка, ради своего маленького счастья, и это понимание было самым ужасным, что я когда-либо испытывал в жизни. После ножа в животе и закипающей в легких крови.

Черт возьми, я был этим китайцев, раз за разом переезжающим маленькую девочку, чтобы отделаться сравнительно небольшим штрафом. И я не видел в этом жестоком и четко

осознаваемом убийстве ничего противоестественного. Никакой жалости, никаких сомнений. Только ненависть к ребенку, по вине которого я мог лишиться всего.

Я орал снова и снова. А голограмма Земли остановилась и над Китаем зажглись тысячи маленьких телевизионных экранов, на которых различные транспортные средства методично по нескольку раз переезжали людей. Взад-вперед, взад-вперед. Один старик встал и попытался отойти, но большой минивэн догнал его и вмял в стену. А потом еще раз. Водитель вышел, проверил, жив ли он. Потом на него набросились родственники старика, которых он, на свою беду, не заметил.

– Поделом, ублюдок, – прошептал я.

В следующую секунду я подбросил в воздух шестимесячного младенца и ловко отбил мотыгой. Разбрызгивая кровь и мозги, он со смешным бульканьем пролетел мимо дерева, в которое я метил.

– Опять не попал, – разочарованно пробормотал я.

– Хватит развлекаться Чхун! – окликнул меня бригадир Сарин. – Добивай своих и иди помогать сюда! К вечеру должны прийти еще горожане!

Чертовы горожане. Наверное, им неприятно было идти пешком, босыми ногами протаптывая дорогу в джунгли. Кичливые интеллигенты, решившие, что раз надели очки и прочли пару книжек, то им теперь можно есть из фарфоровых тарелок, пока моя семья по пояс в болоте растит для них

рис. Вот тебе, мерзкий эксплуататор. Вот тебя, вьетнамская подстилка. На, жри мою мотыгу! Как смешно и легко лопаются их черепа. А если сунуть мотыгу в рот и провернуть, можно вырвать нижнюю челюсть, и мозга вытекает прямо через рот...

Да здравствует свободный народ Кампучии! Да здравствует брат номер один!

– Да здрав... – я осекся на полуслове и немигающими глазами посмотрел на шляпника.

– Это будет через шесть лет в Камбодже, – пояснил он.

– А это через пятьдесят лет в Леванте...

После Леванта я бросился на него с кулаками, но он отправил меня в шкуру очередного негодяя, даже не осознававшего своей сущности.

Два раза я побывал во Вьетнаме. Сначала в вьетконговцем, отрубаящим руки привитым детям. Потом – рейнджером, с улюлюканьем поливающим пулеметным огнем забитую людьми деревенскую школу. Был арагонским наемником, вырезающим благоверных католиков во французской деревне, чтобы после переоблачиться в крестоносца, закидывающего членов катарской семьи одного за другим в пылающий дом, чтобы очистить их души. Рубил мачете черных, как уголь, людей, которых гнали и гнали на стадион, а я рубил и рубил, пока не отнялась рука, из-за чего мне стало очень стыдно перед друзьями за свою слабость, и я расплакался. На спор перерезал горло заключенным всю ночь, по-

скольку немецкий оберст пообещал мне золотые часы, если я смогу преодолеть потолок в тысячу сербов...

И этот круговорот всё больше засасывал меня. Неведомая сила бросала меня из тела в тело, из разума в разум, чтобы, отрывнув в черную реальность и дав осознать ужас произошедшего, продолжить это извращенное истязание. Я мстил, ненавидел, спасал, любил, испытывал удовольствие и боль, насиловал, убивал, калечил, пытал, ставил эксперименты... А потом меня словно растянули на дыбе и подвесили над стремительно вращающимся голографическим земным шаром, с которого к моему лицу, к моим ушам и к моему разуму тянулись мириады крохотных телевизоров. И то, что они показывали, заставляло меня кричать, срывая голосовые связки, харкать кровью и биться в исступлении. Но, сверх ужасных вещей, что творились каждый миг на Земле, воздух наполнился самым большим хором, который я когда-нибудь слышал. И голоса в этом хоре, перекрикивая друг друга, молили о мести, о смерти, о жестокой расправе над обидчиками, о смерти, о жалости, и вопрошали бога, где он...

– Что вы делаете, мистер Фелпс, – спросил седой мужчина, одетый в старомодный сюртук, с чудаковатым цилиндром на голове.

Я даже не обернулся. Я был слишком занят. Но мужчина настойчиво повторил свой вопрос, и мне пришлось крикнуть, чтобы он убирался и не мешал.

– Разве это не жестоко, убивать всё человечество? – спро-

сил он без тени иронии в голосе.

– Они обречены, – прорычал я, и в моей памяти всплыли три сестры, погодки, грязные, голодные, скованные цепями, которые испуганно смотрели на меня из подвала, когда я приволок к ним новую подружку из соседнего городка. Нет, не я... Или я? И это сладкое, липкое, благоухающее удовольствие, разливающееся по моим внутренностям от мысли, что они только мои, и никто в целом мире больше не обладать ими, так, как делаю я...

Внезапно я посмотрел на свои руки, жмущие на большую красную кнопку. Кнопку, отвечающую за уничтожение Земли. В пламени. Потому что я пообещал старому ковчегостроителю больше не насылать потоп, а моё обещание было непоколебимым. Что ж, пламя, так пламя. Всего лишь сделать из Солнца сверхновую. И больше не повторять глупой ошибки. Не давать свободную волю. Чтобы мириады душ, наконец, избавившись от бранных тел, преисполненных болью и страданиями, вознеслись в мир чистый и понятный, в котором нет места ни любви, ни ненависти, ни добру, ни злу... Конечно, мой сын будет протестовать. Не для того он прошел тем путем, чтобы я уничтожил плоды его трудов. Ну, ничего. Он доказал мне, что может, и что есть некоторые из людей, кто достоин выбирать. Пусть довольствуется вечностью в их компании...

– Ну что, мистер Фелпс, каково быть богом? – поинтересовался шляпник, с любопытством разглядывая торчащий

из моего живота нож.

Я осмотрелся. Немного поразмыслил. Нащупал в глубине сознания ноющую ссадину от какой-то невыраженной идеи, неуловимо мечущейся между скользкими пальцами моего разума. И вспомнил охваченную огнем Землю. Моим огнем. Посмотрел на застывшую в зверином оскале рожу моего убийцы, и сказал:

– Если всё так очевидно, почему богу не поселиться в Вашингтоне, или на Олимпе, и не творить каждый день чудеса, попутно призывая людей к добру?

– О, легко каждый день спать с новой девушкой, если ты миллиардер. Только кто ж тебя полюбит? – с горькой усмешкой произнес шляпник.

– И что мне теперь делать? – спросил я. – Мне известно, что бог есть, и что все эти басни – не басни. Мне что, книжки писать душеспасительные? В монастырь уйти?

– А зачем мне это? – удивился мой собеседник. – Да и тебе ничего особо не известно. Мы разобрали всего одну тему – жестокость бога. Остальные уж как-нибудь сам осиль.

– Всё равно, непонятно, – настаивал я, пытаюсь проникнуть в мысли шляпника, глядя ему прямо в глаза, подпернутые странной дымкой. – Столь эффектной демонстрацией вы, в сущности, указали мне на то, что не стоит публиковать мою книгу. Это ли не посягательство на свободу выбора?

– Шутишь? Как это, не публиковать? Ты с ножом в животе стоишь! – старик расхохотался, держась за трясущийся

живот. – У тебя дерьмо по ногам течет! А ты спрашиваешь, публиковать тебе что-то, или нет!

Я смутился и посмотрел на свой живот. Вспомнил адскую боль и сразу же воспылал желанием помириться с... Я даже не знал, кто он! И почему я пропустил его нудные и длинные рассуждение о своей природе?

– Да уже без разницы, – шляпник рукой, – я – всего лишь плод твоего воображения. И никто не лишал тебя свободы воли. Хотя... Знаешь, приказываю тебе опубликовать твою книгу.

– А? – не понял я.

– Что непонятного? Духовная сущность, повелевающая временем и пространством, повелевает тебе опубликовать, – шляпник, говоривший до этого загадочным голосом, чуть подвывая, прыснул со смеху и закончил, гогоча, – твою жалкую писанину. И вообще, просыпайся уже, в издательство пора!

И я проснулся.

Как вы понимаете, сваренное позавчера яйцо есть дважды за одно утро, пусть первое и, вроде как, приснилось, было верхом опрометчивости, поэтому я его выкинул. И пошел на работу голодным и напуганным. Угадайте, кого я увидел за углом издательства? Правильно, чертова реднека с огромным ножом за спиной. Нож я не видел, но какие могли быть сомнения?

Каждый когда-нибудь бил бездомного тяжелым кожаным

портфелем, в который, перед выходом из дома, положил шестифунтовую гантель... Нет? Не каждый? А я вот бил. И, как назло, у него не оказалось никакого ножа. Хотя, с другой стороны, в моем животе никакого ножа не оказалось тоже.

А вы когда-нибудь объясняли полиции, что видели во сне, как бездомный втыкает в вас нож, и поэтому вы избили его в центре Цинциннати портфелем, в который специально для этого положили шестифунтовую гантель? Попробуйте. Необычный опыт. Всё лучше, чем доказывать что-то воображаемому старику в цилиндре и старомодном сюртуке.

Последняя битва Артаксеркса Оха

ДЕНИС ГЕРБЕР

– Бог с головой свиньи?

– Именно так, мой повелитель!

Артаксеркс Ох, властитель державы Ахеменидов, смотрел на своего визиря недоумённо, чуть наклонив голову. От недавнего изнеможения не осталось и следа.

– Я хочу взглянуть на это.

Царь вышел из шатра и в сопровождении двенадцати копьеносцев побрёл к центру городка. Станным было это поселение, такого Артаксерксу видеть не приходилось. Дома будто сделаны из кости. Под всеми окнами жёлтые подтёки, словно жители выливают помои прямо на стены, не покидая жилищ.

В центре городка, на месте где сходились все девять улиц, стояло нечто бесформенное – коричневое возвышение, похожее на пережёванный финик. А рядом на квадратном постаменте в небо вытягивался каменный бог со свинячьей головой. Руки у изваяния были скрещены на груди, одна из них держала жезл, другая – пучок пшеничных колосков. Всё было выполнено из серого камня с фиолетовыми прожилками.

Артаксеркс остановился у подножия, затем обошёл статую кругом. Свиное рыло не удостоило царя взглядом, оно

смотрело вдаль, поверх костяных домов.

«Что за странное божество? – подумал Артаксеркс. – Насмешка какая-то, издевательство».

Он вспомнил громадное изваяние с ослиной головой, возведённое в Мемфисе. Артаксеркс велел египтянам почитать себя, как властелина, а те изваяли монумент с ослиной башкой – дали понять, как они почитают персидского царя. Когда Мемфис захватили, Артаксеркс не стал крушить статую, он велел вывести из главного храма священного быка Аписа и принести его в жертву ослу. Египетские жрецы смотрели, как закалывают воплощение их бога, как его жарят на огромном вертеле, как священное мясо съедает голодная толпа, позабывшая о вчерашнем раболепии. И сам Артаксеркс участвовал в пиршестве, он съел сердце Аписа. Мозг священного животного достался родосцу Ментору – союзнику персов в этой войне, а бычьи глаза с удовольствием сожрал внук Багой.

В тот день бог-осёл надменно взирал на жрецов. Ничто не дрогнуло на его лице, даже когда Мемфис топтали, словно коровью лепёшку, когда грабили храмы, насильовали знать, сотнями казнили пленных египетских солдат. Артаксеркс приказал и впредь поклоняться ослу, а сам двинулся дальше – опустошать страну, преследовать бежавшую армию фараона Нектанеба.

И вот – бог с головой свиньи.

Артаксеркс подозвал к себе визиря.

– Что говорят жители? Как называют своего бога?

– Мы не понимаем их языка. Жестами они показывают, что свинью принесло ветром.

– Ветром?

– Ну да. У них вообще всё связано с ветром. Показывают, что и в груди у них ветер.

Артаксеркс нахмурился.

– Возьми двоих, а лучше троих, и вскрой им грудь, – приказал он визирю. – Если там ветер, то я напрасно топчу эту землю.

Царь направился обратно, едва не обгоняя собственную охрану. Он всегда чувствовал себя уязвимым, если чего-то не понимал, а когда разобраться не получалось – непонятое подлежало уничтожению.

Персидские маги предрекли, что в период его правления будут обильные урожаи и не менее обильные казни. Как обстояло дело с урожаями, Артаксеркса волновало меньше всего, а вот относительно казней – кажется, предначертанное сбывалось. Головы покидали плечи так же легко и естественно, как птицы вспархивают с веток. Артаксеркс правил железной рукой. Он полагал, что приближённых надо держать за незаживающие раны. Так надёжнее – надевать узду прямо на кровавое мясо.

Артаксеркс убивал многих, вместе с тем он держал 366 жён и наложниц (по одной на каждый день, и несколько запасных, на случай болезни), которые беспрестанно рожда-

ли, уже подарив полторы сотни детей. Иногда царю казалось, что он только этим и занимается – уводит ненужных людей из мира и приводит новых, которым дарован шанс сделать что-то стоящее. Жизнь и смерть вращались вокруг него.

Окунувшись в прохладу шатра, Артаксеркс вновь ощутил усталость. Он глотнул вина, брезгливо отогнал слугу с фруктами и опустился на застеленное барсовой шкурой ложе. Отдохнуть, проспять остаток этого безумного дня, а утром покинуть странный город.

Когда он проснулся, уже смеркалось. Ветер приносил с пустыни запах гари.

Узнав о его пробуждении, явился визирь. В руках он держал серебряное блюдо, на котором замерли четыре человеческих сердца – блестящие, освобожденные от ненужной плоти. Казалось, они прекратили биться только сейчас, заведя персидского властелина.

– Зачем ты притащил их сюда? – спросил Артаксеркс, зевая.

– Мой господин, ты велел узнать, что в груди у этих людей. Я узнал.

Визирь поставил поднос на ковёр и как-то испуганно склонился на царя.

– В общем-то, сердца как сердца, ничего особенного, – сказал он. – Кроме одного.

– Что с ним?

Визирь поднял одно из сердец и раскрыл, как надрезан-

ный персик. Внутри красной плоти что-то блеснуло. Артаксеркс пригляделся. Перед ним был наконечник стрелы, с коротким обломком древка.

– Он был живой, когда его убивали? – спросил царь у визирия; в этой ситуации вопрос не прозвучал глупо.

– Да, он жил с этим.

Царь поводит челюстью. Что за странный город? Бог-сви-
нья, принесённый ветром. Обломок стрелы в сердце... Тре-
вога зашевелилась внутри Артаксеркса. Когда-то давно он
видел такие стрелы. Кажется, на Крите или в Финикии. Точ-
но! Войско восставшего финикийского сатрапа отбивалось
такими стрелами. Этими же стрелами персы казнили повер-
женных мятежников.

– Вскрой ещё восемь человек, – хмуро приказал Артак-
серкс. – Посмотрим, что отыщется. А на рассвете мы выдвигаемся. Подальше от этого поганого места.

Армия персов продвигалась дальше, почти не встречая
сопротивления. Это были благодатные для разбоя места, на-
селённые глупыми, порою даже умалишёнными людьми.

– Кому нужны колонии, где население пять раз подверг-
лось разорению? – возбуждённо говорил Артаксеркс визи-
рию. – Надо двигаться дальше, где люди не привыкли к борь-
бе, где им не претит быть рабами.

Всё реже попадались следы Нектанеба и его союзников.
Где же храбрые египтяне? – грустно усмехался про себя Ар-

таксеркс. – Где потомки Геракла? Они сгнули или позорно вернулись на родину к жёнам и очагам!

Города на пути встречались редко, только мелкие поселения или жалкие деревушки, в которых едва хватало пропитания персидскому войску. Один из полисов оказался наполовину разрушенным – видимо дело рук отчаявшегося Нектанеба. Все жители бежали, только два голых старика сидели на площади и играли в малопонятную игру с камешками и палками.

Артаксеркс мрачнел с каждым днём. Отсутствие врага навело на него тоску, он чувствовал себя затупленным мечом, ржавеющим в ножнах.

Однажды из впередиидущего гарнизона сообщили о стычке с небольшим отрядом. Царь осмотрел пленников. Это были жалкие воины с кожаными щитами, с маленькими, едва ли не детскими мечами и с такими же детскими лицами. «Похоже, что великие битвы остались в прошлом, – подумал Артаксеркс. – Дальше лишь время всевластия и пустота».

– Не пора ли нам возвращаться, мой повелитель? – смиренно спросил визирь. Знает, гиена, когда и что сказать.

– Нам нельзя возвращаться, – Артаксеркс положил руку ему на плечо. Визирь испуганно замер – ещё бы, царь никогда такого не делал.

– Скажу тебе нечто очень важное, – продолжил Артаксеркс. – В главном храме Мемфиса я спустился в Святая Святых. Ты об этом не знаешь. Я общался с Бессмертным

жрецом, слушал его предсказания.

– Бессмертным жрецом? Так он существует? – визирь почти перешёл на шёпот.

– Да. И он предрёк мне позорную смерть по возвращении. Сказал, что моё тело будет скормлено кошкам, а из костей сделают дверные рукоятки. Представляешь? За них будут хвататься все подряд!

– Что же делать?

– Идти вперёд, не останавливаться. Милость Ахура-Мазды поможет мне расширить границы мира. Я буду побеждать, а неприступные стены полисов обратятся пылью под ногами. Ничто не остановит меня. А когда я завоюю весь мир, я вернусь в Мемфис и убью Бессмертного жреца. Я займу его место.

Уже давно не было вестей от остального войска. Двенадцать дней назад гонцы доставили послание от евнуха Багоя. Его армия поднялась вверх по Нилу и устремилась вглубь континента. Три дня как они должны были встретиться,

но не встретились. «Где носит евнуха, что с ним произошло? – думал Артаксеркс. – Или что-то произошло с нами?»

Однажды утром небо просыпало снег – такое Артаксеркс видел лишь однажды, в детстве, на берегах Гурзема¹. Царь протянул ладонь и поймал несколько снежинок. Сердце тронуло щемящее чувство, он вспомнил покойного отца. Когда тот скончался, Артаксеркс почти год держал его смерть в тайне. От имени своего отца он рассылал письма в разные концы державы. Во всех посланиях содержалось одно и то же – предписание принять Оха в качестве царя. Его, а не остальных детей.

Вслед за снегом пришла жара, она накатила душной волной с запада. Всё больше воинов умирало от кровавого поноса. Животные дохли без каких-то видимых причин. Артаксеркс ловил на себе мимолётные взгляды: одни смотрели с надеждой, другие – с ненавистью. Вот она – цена славы: страх, презрение и понос. О таком не говорят ораторы Эллады, об этом молчат жрецы на верхних этажах зиккуратов.

Воздуха становилось мало – верный признак того, что армия приближается к краю света. Где же войско Нектанеба? Может оно прошло сквозь купол небес и свалилось в извечные воды?

Артаксеркс велел остановиться у небольшого озера и сделать трёхдневный привал. Дозорные отряды разъехались по округе. Вечером, когда солдаты охладили разгорячённые

¹ Каспийское море.

глотки вином, вдоль берега расставили жертвенники со смолой и воздали честь всем богам-язата. Неведомо откуда привели слепого оракула. Тот рассказал об увиденном сне, в котором армия персов превратилась в червей и была пожрана воронами. Солдаты шушукались о чём-то своём, сторонясь командиров.

На второй день отдыха вернулся один из дозорных отрядов. Солдаты принесли к шатру царя чьё-то обожжённое тело. На умершем были закопчённые доспехи, а голову венчал шлем с гребнем.

– Мой повелитель, вот что мы нашли при нём, – сказал глава отряда и протянул Артаксерксу мешочек с деньгами. Царь высыпал на ладонь несколько серебряных монет с головой Афины на аверсе. Он знал, что это за монеты. Нектанеб отчеканил их специально, чтобы расплатиться с греческими наёмниками. Значит враг поблизости.

Третий день отдыха пошёл прахом – армия выдвинулась на запад, откуда привезли обгоревшего грека. Персы углублялись в неведомую страну – пустынную и безграничную, как море. Какие богатства здесь можно было снискать? Кого завоевать? Эти вопросы стояли в глазах у каждого. Однако Артаксеркс упрямо продвигал войско. Он должен догнать беглецов, даже если эта погоня заведёт его в Дом Лжи – в самое средоточие ада.

Визирь делал вид, будто разделяет взгляды своего повелителя. Он уже не заводил разговоры о возвращении, хотя по-

водов было предостаточно, он принимал приказы с неизменным энтузиазмом. «Стоит ли верить этому хитрецу, у которого по гадюке в каждом рукаве? – размышлял Артаксеркс. – Не он ли первым вонзит в спину нож? Кто-то ведь пустит моё тело на корм котам и на дверные ручки».

Встречались первые отряды беглецов. Они сталкивались с передовыми гарнизонами, устраивали небольшие стычки. Попадались и дезертиры – все как один с отрезанными языками. Близость долгожданного врага несколько окрылила солдат. Все жаждали раздавить Нектанеба и вернуться домой.

И вот, однажды днём дозорные сообщили, что обнаружили армию противника. Ближе к вечеру и сам Артаксеркс разглядел вдалеке несколько бесформенных пятен, похожих на расплавленное олово. Это были греки. Они всегда держаться особняком друг от друга – коринфяне, афиняне, спартанцы.

Едва сгустились сумерки, царь умастил руки и бороду благовониями, затем собрал своих полководцев. Они сидели в свете факелов и обсуждали грядущую битву. По сведениям разведки, эллинов не больше полутысячи. Они в плачевном состоянии – побросали колесницы, едят лошадей. Артаксеркс знал, что к такому войску не следует относиться пренебрежительно. Враг, которому нечего терять, доведённый до отчаянья, униженный и загнанный – самый непредсказуемый. Если он сразу не падёт на колени, то будет сра-

жаться до последнего вздоха.

Артаскеркс велел вооружить рабов, пообещать выжившим не только свободу, но и вознаграждение – пять сикелей серебра каждому. Такой суммы хватит, чтобы вернуться на родину и не помереть с голода.

Утром бесформенные пятна слились в одно. Эллины вытянулись в шеренги и первыми пошли в атаку. С возвышения своего кресла из слоновой кости Артаксеркс всматривался в наступающего врага. Он уже видел, как блестят на солнце шлемы и копья, слышал брэнчанье оружия и щитов. Царь сидел безмолвный и непроницаемый, а внутри у него уже закручивался бешеный вихрь. Он поднял руку и сам вздрогнул от пронзительного рёва труб. Персы закричали и с открытыми ртами бросились вперёд. Завизжали лошади и верблюды. Боевые колесницы тронулись и, набирая скорость, помчались на врага. С обеих сторон взметнулись стрелы, пролетели друг мимо друга, обрушились на головы, истыкали поднятые щиты.

Войско персов растянулось тремя чёрными щупальцами, попыталось окружить греков. Одно из щупалец отделилось, распалось на части и быстро смешалось с вражеской армией. Облако пыли укутало правый фланг, скрыло его от глаз наблюдателей. В центре закрутился настоящий водоворот, в нём увязли два боевых слона – издалека они походили на попавших в муравейник жуков.

«Что если это – последняя битва добра и зла? – подумал

Артаксеркс. – Вдруг, после сегодняшнего побоища придёт третий Спаситель, а все мы – и живые, и мёртвые, – подвергнемся огненному суду? Праведным он покажется купанием в парном молоке, а нечестивым – потоком расплавленного металла».

С правого фланга протрубили отступление. Артаксеркс махнул рукой и в бой вступила сотня рабов. Эти кинулись в битву с остервенением – выплёскивали на греков злость, давно скопившуюся от ударов кнута. Жалеть рабов не стоит: меньше выживших – меньше затрат на вознаграждение.

Наконец густая толпа греков стала размываться с задней стороны – начиналось бегство. Артаксеркс дал приказ, и к противнику поспешил запасной конный отряд. Когда всадники вторглись в незащищённый тыл, греческое войско задёргалось в агонии. Артаксеркс не видел, что там происходит, но живо это представлял. Храбрые потомки Геракла бросают оружие, падают ниц, просят пощады. Их добивают секирами – пленных на сей раз приказано не брать, за исключением полководца. Должно быть, выжившие рабы наиболее усердствуют в этом. Так всегда бывает, для расправы у них находятся силы.

Взревела труба, а вслед за ней раздался протяжный многоголосный вопль. Сражение окончилось победой. Прошло несколько минут, и к Артаксерксу подъехал сотенный. Вслед за его конём тащилось окровавленное тело в изодранной одежде.

– Это их полководец, – пояснил командир. – Прости, мой повелитель, его не удалось взять живым.

Артаксеркс спустился с кресла и перевернул тело ногой. Эллинское лицо показалось ему знакомым.

– Кто это?

Сотенный пожал плечами.

– Пока не знаем. Они ничего не говорят. Вообще ничего, будто онемели.

Полминуты царь оглядывал мёртвого врага, но вспомнить его не смог. Где же проклятый Нектанеб? Наверняка бросил союзников на произвол судьбы, а сам двинулся дальше. Артаксеркс велел посадить выживших на колья, а голову греческого полководца сохранить – может быть потом память подскажет, что это за человек.

Ночью Артаксеркса мучали кошмары. Во сне он крутил в руках собственную отрубленную голову, а та шептала ему: «Ангра-Майнюю ждёт тебя в своих покоях, великая честь – стать его наложником». Потом он оказался в пустой каменной башне. Какой-то обнаженный человек с лысой головой ползал в грязи, будто червь. «Твой враг впереди, – сказал лысый, – ты должен дойти до Последнего оазиса. Не распрившись с врагом – не получишь бессмертия».

Утром Артаксеркс огласил свою волю и увидел разочарованные лица. Даже визиря перекосило от огорчения.

– Скоро мы дойдём до Последнего оазиса, – пояснил царь, – дальше пути не будет, как бы мне не хотелось.

– Но, мой повелитель! – едва не взмолился визирь. – От нашей армии почти ничего не осталось. Многие больны, остальные напуганы. Земли здесь странные. Солдаты говорят, что среди дикарей, нападающих на наши гарнизоны, всё чаще попадаются знакомые лица.

– Знакомые?

– Да, повелитель. Это ранее казненные нами, они возвращаются и сражаются против нас!

Артаксеркс призадумался, потом приказал:

– Принесите-ка мне голову того полководца.

Слуги прикатали бочонок, вынули из меда отрубленную голову.

– Омойте её мочой, не тратьте воду.

После того, как четверо солдат окатили голову янтарными струями, Артаксеркс присмотрелся к лицу поверженного эллина. И побледнел. Это был Клиний с острова Коса – командующий греческими наёмниками. С его семитысячной армией персы сразились в устье Нила. Храбрый эллин выступал тогда с палицей в руках, одетый в львиную шкуру, подражая Гераклу. В той битве он и погиб.

Артаксеркс повернулся и вздрогнул, увидев визиря очень близко от себя.

– Жрецы в Мемфисе что-то сделали с нами, – прошептал тот. – Мы идём по миру мёртвых и сражаемся с мертвецами. Я думаю эту случилось после того, как ты вышел из Святой святых. Нас прокляли.

– Давно ты это понял?

– Давно, владыка. С того города, где свинья... Ты бы не поверил, если бы сам не догадался.

– Где же Нектанеб? Он живой?

– Да, он жив, потому-то мы и не можем его найти. Говорят он укрылся в Нубии.

Царь взглянул на юго-запад. Белые пески у горизонта походили на соду. «Если Бессмертный жрец проклял меня, значит, он сам напрашивается на казнь, – подумал Артаксеркс. – Займу его место, когда расправлюсь с врагом. Тем более что домой возвращаться нельзя, там – гибель».

– Я сам пойду к Последнему оазису, – сказал он.

Солнце наливалось яростью, оно старалось испепелить всё, что нарушало бескрайнюю однородность песка. Царь пересекал пустыню в сопровождении двадцати воинов и пяти слуг. Пришлось пересесть на верблюдов, на них же погрузить запасы еды и воду.

Ехали молча. Жара склеила рты, почти запечатала глаза. Царь думал о своём враге. Кто это мог быть? Вдруг он встретит в Последнем оазисе покойного отца? Плевать!.. И того разрубит на куски... Артаксеркс вспомнил бога с головой свиньи, стрелу в сердце... Похоже, с того странного города проклятие вступило в силу. Он мог бы догадаться, что воюет с мертвецами, и отступить. Теперь уже поздно, он не внял предупреждению бога-свиньи. Сейчас или бессмертие, или

гибель.

К вечеру понялась пыльная буря. Раскалённый песок хлестнул по лицам. Пришлось переждать около часа, закутавшись в покрывала. Когда ветер приутих, Артаксеркс выбрался из образовавшегося бархана и глянул на юго-запад. Песок ещё витал в воздухе, а далеко впереди, в пыльной туче стояли всадники. Их было около сотни, все одинаковые и неподвижные как статуэтки.

Царь поднял своего верблюда, взобрался в седло и поехал навстречу врагу. Горизонт отодвигался, и вскоре появился оазис – в сумерках он напоминал стального ежа. В стороне от деревьев стояла невысокая башня – та самая, из сна Артаксеркса.

На расстоянии полёта стрелы, царь остановился и спрыгнул с верблюда. Цепь всадников, преграждавшая путь к оазису, оставалось недвижимой, лишь один из воинов вдруг ожил и поскакал навстречу. В руках он держал штандарт с золотым орлом – значит, это был перс. Скоро Артаксеркс различил чешуйчатые доспехи, одетые поверх пурпурного кафтана, и войлочную тиару на голове. Лицо у воина было знакомым. Не просто знакомым – Артаксеркс прекрасно знал его. Это Бахтияр – брат, убитый много лет назад.

Бахтияр остановил коня и молча осмотрел царя. Ни один мускул не дрогнул на лице, ни один волос в бороде не шевельнулся. Артаксеркс пробежал взглядом по остальным войнам, всё ещё стоявшим в пыльном сумраке. Их было во-

семьдесят. Артаксеркс не пересчитывал, он знал точное число. Всех братьев, возможных претендентов на престол, убили по его приказу.

– На остальных мне плевать, – выдавил из себя Артаксеркс, – Лишь у нас с тобою единая мать. Мне жаль.

– Не обольщайся, – сказал Бахтияр, – Ты не от женщины родился, тебя гиена отрыгнула с блевотиной.

Царь обошёл всадника. Ладонь привычно легла на рукоять акинака.

– Так ты и есть мой главный враг? Мой мёртвый брат? – он хохотнул, потом плюнул под ноги коню.

– Ты делаешь много врагов, – сухо ответил Бахтияр. – Главного выбирай сам.

– Я ведь могу убить тебя.

– Ты уже давно это сделал.

Артаксеркс хмыкнул. Спорить было сложно.

– А что в Последнем оазисе? Кто там живёт? Вы кого-то охраняете?

Презрения на лице Бахтияра стало ещё больше, он промолчал. Артаксеркс пригладил бороду, затем вынул из ножен акинак.

– Сейчас я убью тебя. Затем прикончу всех, кто в башне и тех, кто в оазисе, – он осмотрел замерших всадников. – А этих поделю на два отряда и заставлю биться друг с другом. Вот будет зрелище!

Бахтияр сочувственно улыбнулся.

– Этим маленьким мечом собрался убивать? – спросил он с издёвкой. – Похоже, ты так ничего и не понял.

Он хотел ещё что-то сказать, но лезвие уже пронзило его сердце. Бахтияр кашлянул и выпал из седла, одна нога запуталась в стремях. Лошадь взбрыкнула и поволокла бесчувственное тело. Только штандарт с золотым орлом остался лежать у ног Артаксеркса, да следы крови темнели на песке.

Царь вытер меч о штанину и побрёл к башне. Он чувствовал, каким грузным стало тело, как от тяжести ноют колени. Всадники не шелохнулись, даже когда он проходил сквозь их строй.

Возле башни Артаксеркс остановился и перевёл дух. Воздух со свистом вылетал из лёгких, в правом боку колело. Надо было ехать на верблюде.

С восточной стороны у башни зиял проход. Атраксеркс приблизился и заглянул внутрь. Строение напоминало «башню молчания», в которую на съедение стервятникам выкладывают покойников. Сверху – бледное пятно неба.

Внезапно кто-то толкнул в спину и Артаксеркс провалился внутрь. Он упал лицом в чёрное месиво и тут же почувствовал чью-то ногу у себя на лопатках. Его втоптывали в грязь. В нос и рот проникло вонючее и вязкое. Царь перевернулся и яростно отмахнулся от противника. Меч он конечно выронил. Глаза ничего не видели. Артаксеркс протёр лицо рукой, смахнул грязь и вдруг понял, что не ощущает бороды. Он был начисто выбрит, с голыми щеками и голо-

вой. И он был без одежды.

– Кто ты? – крикнул он противнику, хотя сам уже всё понял.

Тот Артаксеркс, что стоял над ним, выглядел точно также, как он выглядел минуту назад. Сине-красное царское платье, жёлтые башмаки, короткий меч на поясе. Курчавая борода и волосы покрыты пылью.

– Вставай, червь! – приказал двойник. – Хотя бы умри, как подобает царю.

– погоди! Это я пришёл убивать врагов.

– Ты – убивать? – двойник расхохотался, а потом продолжил: – Уже тысячу лет я прихожу сюда, чтобы убивать тебя. Как же мне это надоело! Каждый год одно и то же.

– Но ведь ты убиваешь себя!

– Одни и те же слова! – взвыл двойник.

Артаксеркс попробовал нащупать меч, но кроме грязи ничего не обнаружил. Его меч теперь там – на поясе двойника.

– Каждый год Ангра-Майнью приводит тебя сюда, в эту башню, и ты возишься в грязи как свинья, молишь о пощаде, – сокрушался двойник. – Ты – самая жалкая часть моего жалкого бессмертия! Вставай!

Артаксеркс сплюнул остатки грязи и поднялся на ноги. Ему было неловко от собственной наготы, но гнев заставил позабыть обо всём.

– Я всё понял. Ты убил Бессмертного жреца и занял его место, а теперь вынужден убивать себя. Таково условие? –

Не получив ответа, Артаксеркс снова плюнул и сказал: – Думаешь, буду просить пощады? Ты сам жалок! Зачем приходишь сюда? Почему не вернёшься домой к своим жёнам?

Двойник знакомо скривил рот и подступил на шаг.

– Куда? В моём мире никакого дома нет. Ничего нет, кроме этого проклятого оазиса и того, кто посылает меня в башню.

Некоторое время они молча стояли друг напротив друга.

– Хочешь, я убью тебя? – тихо предложил Артаксеркс. – Ты освободишься от бессмертия.

Двойник снова захохотал, потом его смех оборвался. Он вынул из ножен акинак, истомно вздохнул и резко вогнал меч в живот царю. Дыхание у Артаксеркса перехватило – будто палкой ударили. Он согнулся, а когда сталь покинула его плоть – выпрямился. Теперь он снова был одетым, и борода привычно ниспадала на грудь. Артаксеркс опустил взгляд. Меч в его руках окровавлен. Башня пуста, он один среди каменных стен. Ужас накрыл с головой. Царь уронил акинак, выскочил наружу и, запинаясь о песок, побежал прочь от оазиса.

Утром воины нашли царя в пустыне. Артаксеркс был без сознания. Его взвалили на верблюда и привезли в основной лагерь.

Когда он пришёл в себя, то увидел визиря.

– Где я? – спросил царь. – Сколько времени прошло?

– Мы едва отыскивали тебя, мой повелитель. Ты бредил восемь дней. Я дал приказ возвращаться. Сейчас мы на берегу Нила, воссоединились с Багом.

– А мертвецы? Они преследуют нас?

– Нет, всё прекратилось, как только мы повернули.

Артаксеркс покинул шатёр и увидел целый город белых палаток. Парили котлы. За лагерем паслись ослы и буйволы. На голубых водах Нила стояли четыре финикийские триеры без вёсел в окнах.

– Ты дошёл до Последнего оазиса, мой господин? – спросил вышедший следом визирь.

– Да, – с содроганием ответил царь. – И то бессмертие, что я там увидел, мне не понравилось.

– Значит, мы не будем возвращаться в Мемфис?

– В сточную канаву Мемфис и Бессмертного жреца! Мы идём домой.

– Но, предсказание... ты же говорил...

– Уж лучше нож в спину, чем жизнь как у него...

Прищурившись, Артаксеркс взглянул на запад, где по его предположению находился Последний оазис. На мгновение он ощутил грязь на лице и даже поднял руку – проверить на месте ли борода.

Чуть позже, узнав о пробуждении царя, явился Багой. Евнух почтительно поклонился.

– Я очень обрадован твоим возвращением, государь! И доволен, что мы собираемся домой.

Артаксеркс ответил не сразу. Он ещё раз осмотрел лагерь. Копьеносцы его личной гвардии снимали пурпурные туники и омывали тела в водах Нила. Два солдата из полка «бессмертных» играли в кости с матросом-эфиопом.

– Что тебя так тянет домой, Багой? – спросил Артаксеркс. – У тебя нет ни детей, ни жён – одни заботы.

Евнух улыбнулся.

– Меня ждут мои любимые кошки. Очень по ним скучаю.

– Кошки?

– Разве ты не знал, мой государь? У меня их более сотни.

– Хм... А дверные ручки ты случайно не любишь?

Артаксеркс ещё раз взглянул на игроков в кости. Похоже, что матрос-эфиоп обыгрывал «бессмертных» – один из них замер с понурым видом, другой хлопнул с досады по колену, снял с запястья золотой браслет и положил на щит.

Историческая справка:

В 338 году до н. э. Артаксеркс III был отравлен своим личным врачом, по наущению придворного евнуха Багой, пользующегося наибольшим доверием царя. Тело Артаксеркса Оха скормили кошкам.

Дневник песка

ВЛАДИМИР РОМАХИН

Где-то далеко были океаны, страны и города. Но в беззвёздной афганской ночи существовало лишь пламя огромного костра.

– Жертвенный огонь! – закричал Вова на ухо один из пленивших его фанатиков. Произведённого эффекта ему показалось мало: он взял громкоговоритель и запел священную суру. В ушах зазвенело, и Володя снова подумал, что спит. А ведь ещё неделю назад он почти ничего не знал ни о молитвах моджахедов, ни об отряде «Чёрный аист».

Конечно, до плена Вова слышал разные истории об «аистах». И почти каждая сводилась к тому, что облачённые в чёрное фанатики находятся под наркотой и зверствуют над пленными шурави.

На деле всё оказалось в тысячи раз хуже.

Один из душманов толкнул к костру новую жертву. Пленник не боролся: огонь, по крайней мере, гарантировал быструю смерть. Тех, кто сопротивлялся, обычно находили в мешках около блокпоста. Однажды Вова и сам обнаружил афганский «подарок». Тогда он наплевал на осторожность и в одиночестве открыл мешок.

Внутри лежал солдат, завёрнутый в собственную кожу.

Она была надрезана на животе, натянута вверх и связана над головой.

Рвота моджахеда, которая полилась на Володю, вернула солдата к действительности. «Аист» блевал от только что выпитого наркотического пойла, но всё же умудрялся кое-как читать суру. Когда молитва кончилась, взгляды афганцев устремились на огонь.

И посмотреть было на что.

Из пламени вышел подобный великану человек в чёрной мантии. Душманы тут же попадали на колени и завизжали в экстазе. Пленник попятился от костра, но великан догнал его и бросил в огонь. С диким, разрывающим ночь криком, солдат выбежал назад и принялся кататься по земле. Моджахеды засучили рукава мантий и бросились к горячей жертве. Огонь их не останавливал: вера или дурман делали своё дело.

Фанатики жрали.

Пришедший из костра великан к еде не прикоснулся. Володя увидел, как он возвёл руки к небу, и за его спиной появились чёрные перепончатые крылья.

– Бежим! – заорал один из пленников.

Солдаты рванули с места. Все, кроме Вовы: со сломанными ногами далеко не убежишь.

Ни один душман не ринулся следом. Каждый из «аистов» обгладывал кости, пил кровь и изрекал суру. Лишь великан лениво пожал плечами и взвился в воздух.

Володя безразлично глядел на летящую тень. Наверное, ему что-то вкололи после того, как сломали ноги. Ведь разве бывает такое в реальности? В мире, где ещё месяц назад он сажал картошку в деревне под Брянском, гулял с дворнягой Каштаном и ухаживал за соседкой Ниной. А может, как раз той жизни и не было?

Около Володи приземлилась чья-то рука. Он потянулся к ней и разглядел набитый на плечо флаг СССР. Вова с нежностью коснулся пальцев неизвестного солдата. Светлая память, безымянный ненужный герой.

Один за одним афганцы отходили от обглоданного тела и недоумённо тарасились вокруг. После короткого совещания несколько моджахедов побежали во тьму и вернулись с автоматами. По пути кто-то ударил Володю ногой в живот. Боли не было: лишь грусть, что выронил руку сослуживца.

Несколько криков оборвались где-то неподалёку. Фанатики выстрелили на звук и залопотали новую суру.

Тварь в мантии появилась будто из ниоткуда. Сейчас Володя был уверен, что одурманен, ведь вместо великана он видел чёрного аиста, который держал в клюве призвавшего к побегу смельчака.

Птица оторвала кусок ноги солдата и выплюнула несчастного на землю. Вова закрыл глаза и начал считать до десяти. От звона в ушах – кажется, кто-то стрелял из автомата прямо над его макушкой, – он сбился на семи. Но к тому времени вместо аиста около костра вновь стоял огромный человек

в чёрной мантии.

– Повтори, что ты сказал. – Голос великана больше всего напоминал кошачье мяуканье. – Или мне продолжить тобой лакомиться?

– Мне обещали, обещали, обещали, – хныкал брошенный аистом солдат.

– Кто?

– Я не слышу...

– Кто?

– Дед Пихто, – безумно расхохотался пленник.

Один из душманов поднял автомат, но великан взмахом руки приказал остановиться. Сквозь звон в ушах Вова слышал голоса моджахедов, которые сливались в монотонный гул. Он почувствовал, что его вот-вот стошнит, но вместе с тем ему вдруг стало легче, словно кто-то забрал боль и страх, которые Володя ощущал даже когда спит. Теперь вокруг не было душманов, не было выжженной солнцем земли, не было умирающих сослуживцев. Всё, что видел Вова – бегущую вдаль соседку Нину. Окружённая осенним парком, девушка будто парила над землёй. Солнечные блики играли в светлых волосах, а подхваченные ветром листья танцевали подле её ног. Володя, смеясь, бежал следом. Лай Каштана подгонял его вперёд, он почти догнал Нину, протянул руку...

Которую тут же схватили.

– Очнись!

Вова открыл глаза. Он и смельчак лежали рядом в тес-

ной яме.

– Меня вот-вот уведут к той твари, – пожаловался пленник.

– Аист не мог быть...

– Настоящим? Я не знаю, что реально на этой поганой земле, кроме песка.

Пленник заплакал, и Володя обнял его в темноте ямы. Он чувствовал, как засохшая рвота моджахеда смешивается с кровью, текущей из паренька.

– Я нашёл джинна в пещере. Совсем как в сказке, – шепнул ему на ухо сослуживец. Вова отстранился, но бедолагу это не остановило: – Он дал мне три желания. Первое, что я загадал – жизнь. И к чему это привело?! Через полчаса нас взяли в плен. Я выживу, но как? Останусь кастратом? Дебилом? Психом?

– Хватит. Это война. Никому отсюда не выбраться. Моджахеды...

– Афганцы? – расхохотался пленник. – Один раз мы пытали душмана, и он даже не знал, откуда взялся отряд «Чёрный аист»! Чьи лица скрывают мантии? Афганцев? Пакистанцев? Безумных дезертиров?

– Замолчи, – потребовал Володя и отстранился от солдата. – Не мы первые, не мы последние. Если я погибну, то сделаю это как мужчина.

– Я виноват! Виноват, виноват...

Вова вмазал пленнику. Тот рухнул лицом в ведро с помо-

ями, которые заменяли питьевую воду.

– Тварь! – закричал он, пока Володя поднимал драгоценное ведёрко. – Ты заодно с ними, как и джинн! Извращаешь слова, шепчешь ужасы, сводишь с ума! Нет, хватит с меня грёз! Вот моё второе желание: пусть этот ублюдок, – парень указал на Володю, – станет твоим хозяином!

Над ямой склонились привлечённые шумом моджахеды. Один из них бросил верёвку вниз и указал на обезумевшего человека. Тот без промедлений схватился за неё, и «аисты» подняли его наверх.

Как только они ушли, чьё-то прикосновение обожгло его плечо Володи. Он подумал о змеях, но вместо шипения услышал смеющийся голос:

– Помни, что я искажу любое желание. Но если хочешь, попробуй обмануть самую хитрую тварь в мире. Всё равно тебя сожрут следующей ночью.

– Джинн?

Ему никто не ответил.

Кое-как Вова всё же впал в дрёму. На рассвете его разбудили крики боли: душманы привели новых пленников. Володя лёг на бок, помочился и выпил помой из ведра. Затем он попробовал себя задушить.

Ничего не получилось.

– Как можно иметь под рукой джинна и пытаться умереть? Но если хочешь, я...

– Нет, – прокашлял Вова. – Ты настоящий?

– Загадывай и узнаешь. Так каким будет твоё последнее желание?

Володя не ответил, да и что было сказать? Выведать у джинна биографию и уточнить, как тот дошёл до жизни такой? Ведь любое слово, которое он произнесёт, «слуга» волен принять за желание.

– Ох, ну ты и трус! – разозлился джинн. – Хотя лучше молчать, чем поступать как твой друг. Выжить! Аист обязательно отнесёт его в то место, где живут вечно.

– В рай?

Джинн захохотал, а Вова ловким движением поднял с земли несколько тощих червяков. Он сунул их в рот и блаженно закатил глаза. После недели плена они казались божьим даром. Пока язык выскабливал застрявшего между зубов паразита, Володя пообещал себе, что если вернётся на «гражданку», то тут же накопает банку дождевых червей. Трапеза будет славной: уж точно не хуже, чем в заморских ресторанах.

«Может, я сошёл с ума?» – подумал Вова, когда последний паразит ткнулся в щёку изнутри. От присутствия чужой жизни во рту стало щекотно, а на руках высыпали мурашки.

– Не знаю, – произнёс джинн.

– Я разве вслух сказал?

– О да! Мысли я читать не умею, но все люди думают об одном и том же. Например, что мы сидим в каких-нибудь бутылках! Что за невежество? Джинны парят над землёй, а найти нас...

От приступа боли в ногах Вова до крови прикусил губы. Мыслей, что загадать, не было. Лучшее, что пришло в голову – попросить джинна стереть память за месяц, который прошёл с момента отъезда из Брянска в провинцию Кунар. Но разве это поможет? Ночью он всё равно умрёт. Может, следует приказать уничтожить «аистов» и ту тварь из костра?

Но вместе с ними джинн ради шутки наверняка перебьёт и всех пленников.

– Кто такой великан из пламени?

Джинн не ответил. Когда Володя вновь принялся крошить куски земли в поисках червяков, тот тихо произнёс:

– Очень злой и могущественный марид.

Теперь настала очередь Вовы смеяться:

– В детстве я читал восточные легенды. Марида выглядят как седобородые...

– Старцы в белой одежде, а изо рта и ноздрей у них валит огонь, – перебил его джинн. – Хорошо, что не из задницы, хотя сказания могут об этом умалчивать. Но ты забыл, что они летают и превращаются в различных существ. Если марид может стать кем угодно, то почему не аистом? К тому же, ему должно быть приятно лицезреть на фанатиков, которые думают, что видят восьмое чудо света.

– Справишься с ним?

– Я пытался.

– Когда?

– В другой жизни, – вздохнул джинн.

Песчаная буря, что поднялась неподалёку, закончила их разговор. Но именно эти слова дали Вова луч надежды.

Может, ему удастся обмануть «самую хитрую тварь в мире»?

После десяти минут танца Володя рухнул на землю. Нет, падал-то он и до этого, но каждый раз поднимался: пролетающие рядом пули сильно мотивировали.

Сейчас Вова решил, что не встанет. Душманы могут сколько угодно заставлять его плясать на сломанных ногах, но он не двинется с места.

Никто из моджахедов больше не стрелял, чтобы заставить его танцевать. Никто из мучителей не смеялся. Даже бутылка с пойлом и шприц, наполненный коричневой жидкостью, попали в немилость: один из афганцев гневно бросил их в сторону, встал с земли и быстрым шагом пошёл к пленнику.

Вова уткнулся лицом в песок. Душман сел около него на корточки, взял за голову и потянул к себе. Теперь их лица застыли друг от друга на расстоянии не больше локтя.

Фанатик молчал. На вид Володя дал бы ему от тридцати до пятидесяти лет: точнее не вышло из-за бороды, что закрывала половину лица.

– Шурави не хочет танец? – жутко коверкая слова, сказал моджахед.

Вова клял себя за слабость, но из глаз полились слёзы.

Может, позвать джинна и приказать убить именно этого «аиста»? Но что он этим добьётся? Запрет последний шанс на спасение?

– Не хочу, – как ребёнок хлюпнул он. – Пожалуйста...

– Шурави мечтать топтать священный земля? – хохотнул афганец. – Русский прийти и сказать, будто Аллах – не есть бог?

– Нет, я...

– Коза знать место. Червь тоже. Но русский глуп, слаб и неверен. Моя воля: ты быть собака. Русский носит кость, да. Шурави бежать!

«Аист» оттолкнул его и вытащил из недр мантии почти обглоданную кость. Вова не сомневался, что она принадлежала кому-то из его сослуживцев. Может, Серёже, который никогда не отказывал угостить даже последней сигаретой. Или Дато, что в стихах расхваливал красоты Тбилиси. Или тому безумцу, который оставил ему право на последнее желание.

Моджахед бросил кость. Володя пополз следом.

– Пёс не змея, нет! Он прыгать, гавкать, да! И хотеть вода, пусть дождь и не любить Кунар! Но хозяин нравится пёс, поэтому он помогать.

Вова почувствовал, как тёплая жидкость побежала ко голому телу. Моча. Фанатик не придумал ничего интереснее, чем обоссать его. Но, судя по хохоту душманов, это была одна из лучших шуток.

– Пёс слушаться!

Володя замер. Двух смертей не бывать, а одной не миновать.

Он ничего не увидел, но ощутил съедающую нутро боль. Кровь полилась на щеку, и Вова едва сдержал крик. Нет, он не даст им насладиться своими мучениями!

Фанатик схватил его за шею и притянул к себе.

– Хозяин угощать пса, хозяин добрый.

Афганец откусил половинку отрезанного у Володи уха. Второй кусок он затолкал пленнику в рот.

– Собака ещё голоден?

Вова замотал головой. «Аист» ударил его ногой по яйцам. Пленник заскулил, но без промедлений встал на четвереньки. Изю всех сил стараясь быть похожим на собаку, он пошлёпал за костью.

Когда та оказалась у него во рту, Володя подумал, что никогда не пробовал ничего прекраснее.

Новички – те пленные, которых привели с рассветом – вылили фляжки на землю. Моджахеды рассмеялись. Когда очередь пить дошла до Володи, он сморщился, но ополовинил сосуд. Пару дней назад он тоже вылил флягу после того, как понял, что хлебнул чью-то кровь. Сегодня её содержимое уже не казалось мерзким. Напротив, кровь была похожа на томатный сок, который развели с водой.

– И какво угощаться собратьями? – спросил джинн.

– Лучше, чем из-за чьего-то желания отправить в плен целый отряд.

– Так поступают все из нас, – зевнуло существо.

– Но зачем?

– Сочини развлечение получше после нескольких веков тишины.

– Я бы спрятался в воспоминаниях.

– Это невозможно, – отрезал джинн. – Скоро наступит ночь. Придумал, что пожелать?

Вова оглядел горстку пленных, которых окружали фанатики с автоматами. Даже если каким-то чудом перебить афганцев, то как управиться с маридом?

Ответ напрашивался сам собой: никак.

Метрах в двадцати от Володи ползла кобра, но никто не обращал на неё внимания. Змея то исчезала за острыми камнями близ горы, то появлялась снова. Казалось, она высовывает раздвоенный язык только для того, чтобы подразнить солдат своей свободой.

«Раздвоиться. Навсегда остаться в прошлом и далёком будущем» – подумал Вова. Или как говорил тот безумный солдат: «Я не знаю, что реально на этой поганой земле, кроме песка».

Но для того, чтобы возникший план сработал, ему нужно вновь поговорить с коварным джинном. Ведь тот наверняка врал, что не умеет читать мысли: иначе почему не появился до ночи, когда «аисты» вновь зажгли огонь?

На этот раз на мучения пленников явился посмотреть тощий, только родившийся серп луны. Но тусклый свет спутника не мог бороться с яркостью пламени, которое разожгли моджахеды.

Сегодня костёр пылал ещё сильнее. Огонь, как пьяный в зюю мужик, чавкал и жрал всё, что кидали туда душманы. Когда фанатики закончили приготовления, то как обычно затагнули одну из сур.

Когда-то давно мама рассказывала Вова, что новый директор столовой ввёл обязательный принцип ротации, и теперь после поставок продукты следовало расставлять строго в соответствии со сроком хранения. То, что скоро испортится – ближе к дверцам холодильника. То, что стухнет не скоро – дальше. Судя по всему, афганцы переняли этот метод: Володя стоял на коленях третьим по счёту от костра.

– Джинн, – позвал он, пока «аист» над ним срывал голос, горланя молитву.

Тот не ответил.

– В мифах о духах говорится, что вы обожаете загадки, – продолжил Вова. – Если ты веками скучал, почему бы не сыграть?

Моджахеды закончили петь суру, и по рядам пошла бутылка с дурманящим пойлом. Когда кто-то из них отпивал из горлышка, его сосед хлопал в ладоши, высовывал язык и пританцовывал. Даже сквозь широкие мантии Вова заме-

тил эрекцию у большинства из фанатиков.

– В другой жизни ты пытался одолеть марида, – затараторил Володя. Времени миндальничать не было: если у него и получится спастись, то лишь до прихода великана. – Если я угадаю в какой, ты появишься?

Фанатик, что караулил Вову вчера, теперь стоял около кого-то из новых пленников. Он вновь схватил рупор и закричал про жертвенный огонь. Володя зачерпнул горсть песка: смотрящий за ним афганец всё равно был увлечён собственными руками, которые зачем-то расчесал до крови.

Песок бежал сквозь пальцы. Как и время до момента, когда Вова окажется у «аистов» в желудке.

– Когда-то ты был человеком, – продолжил он. – И теперь ненавидишь нас за то, что мы помним прошлое. Ведь свою жизнь ты наверняка забыл.

К костру подтолкнули первую жертву. Солдат едва не сразу ринулся в огонь – видимо, моджахеды довели его так, что смерть казалась избавлением. Вова вздрогнул: за день афганцы не сделали с ним ничего страшного, но он слышал визги из ям, где пленники звали мам, молились и рычали. После несчастные заходились в леденящих жаркий воздух криках, а хохочущие моджахеды вылезали из ям с закатанными рукавами мантий. Их были обожжены и покрыты струпьями, но больше всего Володю пугала кровь и ошметки внутренностей, которые забивались фанатикам под длинные, давным-давно нестриженные ногти.

Мысли Вовы вернулись к огню, около которого первого из приговорённых к смерти облили бензином. Зачем-то пленник подставил ладони лодочкой и умыл лицо. «Аисты» покатались со смеху по земле, а один из фанатиков случайно выстрелил из автомата. Пуля скосила одного из афганцев, но мучителям было всё равно. Смеяться гораздо, гораздо важнее!

– Ты должен подчиняться! – едва не закричал Володя. В общей суете он не думал, что кто-то обратит внимание на сбрендившего шурави. – Я не спасусь, когда появится марида!

Джинн молчал. Пламя колыхалось так, словно ветер, который раз в год захаживал в эти места, вознамерился его потушить. Фанатики мигом вскочили с земли и запели молитву.

Когда сура застыла на самой высокой ноте, из огня вышел великан. Парень, стоящий на коленях перед Володей, закричал. Со стороны тех, кто впервые видел марида не донеслось ни звука. Теперь Вова знал точно: вчера он был накачан наркотиками.

Потому что сегодня вождь «аистов» выглядел совсем иначе.

То, что прошлой ночью Володя принял за мантию, оказалось чёрным острым оперением. Из глубины капюшона высовывался длинный клюв. Вместо ступней у марида были перепончатые лапы, а торчащие из-за спины крылья нервно по-

драгивали, будто он вот-вот готовился взлететь.

– Его не победить.

От весёлых интонаций в голосе джинна не осталось и следа. Он говорил что-то ещё, но Вова приказал ему заткнуться и прошептал:

– В прошлой жизни ты был человеком и пытался драться с ним, так? Значит, тебя тоже принесли в жертву?

– Я... Я не помню.

– Знаю. Ты разозлился, когда я сказал, что невозможно спрятаться в воспоминаниях.

Первого пленника бросили в огонь. Как только солдат выскочил из костра, аисты» кинулись на еду.

– Сначала ты помнишь каждую мелочь, – глухо сказал джинн. – Но потом забываешь дом. Друзей. Имя. Я даже не помню, как стал... этим.

– Поэтому ты ненавидишь хозяев. Ведь мы всё помним.

– Чего ты хочешь?

– Увидеть маму. Нину. Каштана.

– Это твоё последнее желание?

– Нет. Есть кое-что получше.

– Славно, а то я уже подумал, что ты глуп, словно...

– Ты соврал, что не умеешь читать мысли. Но мне и так ясно, чего ты хочешь.

В пламя бросили вторую жертву. Вова был следующим в очереди. Оставленные без присмотра пленники зашептались и побежали в разные стороны. Марид опять исчез, что-

бы заполнить тьму смертью.

Фанатики снова жрали.

– Если я попрошу убить эту тварь, ты справишься?

– Не надо, пожалуйста...

– Вот и я пошутил над тобой, – хмыкнул Вова. – Не понравилось? Наверное, как и тому бедняге, которого ты свёл с ума.

Марид описал круг над костром и грациозно приземлился. Моджахеды повели Володю к пламени и облили бензином.

– Пока мне не понять, почему надоедает вечная жизнь, – пробормотал Вова. – Но кое-что я знаю: ты хочешь уйти.

– Нет, – ответил джинн. Володя подумал, что его план рухнул, но «слуга» добавил: – Ты не знаешь, как сильно я хочу уйти.

– Я исполню это желание в обмен на моё. Думаю, тебе понравится, – сказал Вова.

Душманы подвели его к мариду. Великан протянул к пленнику лапы, принял, фыркнул и взлетел в воздух. Володя подумал о деревне под Брянском и воспоминаниях, купаться в которых будет веками. На прощание он посмотрел на серп луны, которую видят люди в далёких, кем-то выдуманных странах.

Марид спикировал на него сверху

– Моё последнее желание – стать тобой, – приказал он джинну.

– Слушаюсь и повинуюсь.

Марид расчертил когтями воздух. Вова исчез.

Той ночью закончилась история отряда «Чёрный аист». Выжившие пленники говорили, что фанатики будто рухнули замертво от ударов невидимого зверя. Но битва далась Володе непросто: сущность, в которую он превратился, быстро становилась слабой. Вова опасался нападения марида, но тот – такой же бестелесный и невидимый смертному, – застыл в небе и безучастно наблюдал расправу над моджахедами.

Когда он закончил, марид уже исчез. Лишь спустя много десятилетий, а может, веков Вова понял, что дух потратил слишком много сил на превращение в «человека в чёрной мантии».

В ночь расправы над афганцами Володя наблюдал за тонкой полоской света, бегущей в небеса. Он знал – то уходит джинн, служивший тысячам людей. Во всполохах света Вова разглядел, как черноволосого кудрявого парнишку приносят в жертву. Но прежде юноша попросил жизнь у джинна, которого случайно обнаружил незадолго до плена. Служивший ему дух провёл хозяина вокруг пальца: после жертвоприношения тот стал бестелесным существом, приговорённым к вечному исполнению чужих желаний.

И всегда их извращающим. Ведь его самого когда-то обманули.

Полоска света окончательно исчезла. Какие бы грехи не совершал джинн, он исчез из всех возможных миров. Вова искренне надеялся, что тот не попадёт ни в рай, ни в ад. Ведь разве не может существовать место, где после ухода мы могли бы вечно перебирать каждое, даже забытое при жизни, воспоминание?

Джинн летел над пустыней. Вчера, а может, век назад, он встретил похожее на себя создание. Тогда джинну показалось, что он вспомнит своё имя, но в памяти лишь появи-

лась яма, где он и какой-то парень то обнимались, то дрались. Какое-то время два всполоха невидимого людям света разглядывали друг друга, а после поплыли вдаль. Туда, где были тысячи раз.

Иногда джинн впадал в похожее на дрёму состояние и видел какую-то собаку. В своих грёзах он порой различал образ бегущей вдаль девушки и странного поля, куда втыкал палку с широким остриём на конце. Эти сны не приносили радости: напротив, от них ему становилось хуже, ведь больше он ничего не мог вспомнить.

Когда дух долетел до моря, то замер над голубым дремлющим полотном. Он вновь думал о видениях. Что они значат? Он выдумал их? Или они существовали – ведь джинн знал, что давным-давно был человеком.

Все духи когда-то были людьми.

Джинн почувствовал, как за много километров отсюда кто-то зачерпнул горсть песка, в которой дремала его сущность. Пришло время выполнять желания.

«Кем я был в прошлом? Кем буду в будущем?» – думал он, летя к новому хозяину. Но всё это было не важно, ведь времени здесь не существует. Лишь бесконечный дневник песка, что останется на земле после смерти всех людских воспоминаний.

Черный рассвет

ВЛАД КОСТРОМИН

Казенный кабинет с подержанной мебелью казался каким-то пыльным.

– Сергей, теперь о деле, – пожилой мужчина с ежиком седых волос и армейской выправкой достал из ящика стола карту, расстелил.

– Провинция, – хмыкнул Сергей, крепкий мужчина лет тридцати, в толстых очках в роговой оправе. – Что там не так?

– Студент сельхозинститута, сын вождя африканского племени, – на карту легла фотография, – пропал.

– Мы тут при чем? Милиция пускай ищет.

– При том, – сверху лег тетрадный лист в клеточку.

Карандашный набросок – оплетенная корнями голова с искаженным страданием лицом и неровно оторванной шей, с лоскутами кожи и обрывками артерий.

– Для меня все негры на одно лицо, – задумчиво сличил фото с рисунком Сергей, – но определенное сходство есть...

– Это он, не сомневайся. Эксперты проверили, – на карту лег лист заключения.

– Рисовал «пророк»? – поправил очки.

– Да, – отвернулся к окну.

- И что все это значит?
- Ты же знаешь, с «пророками» нет полной ясности...
- Знаю... Максимка там как? – голос дрогнул.
- Нормально... Это он и нарисовал...
- Твою мать! Простите, Егор Михайлович.
- Ничего, Сережа, я понимаю.
- Что еще странного? – взял себя в руки Сергей.
- Три студентки института пропали.
- Одногруппницы вожденка?
- Только одна, Света, – из ящика стола показалась еще фотография, следом еще две.
- Маньяк?
- Сергей Викторович, ты же знаешь, в Союзе маньяков нет, это не гнилой Запад.
- То есть, милиция эти дела не объединила?
- Нет.
- Понятно... – снова взял в руки рисунок. – Что за корни?
- Деревя... пока нет ясности, эксперты работают.
- А что за деревца на заднем фоне? – повернул рисунок.
- Вишня и яблонька.
- Там есть сады?
- Есть частный сектор, – карандаш очертил районы. – И два садовых товарищества: «Рассвет коммунизма» и «Максим Горький».
- Дачи посреди города? – удивился Сергей.
- Там река, как видишь, и овраги глубокие. На склонах

дачи. Все заросло, настоящие джунгли, – положил аэрофотографии.

– Зеленка, – Сергей задумчиво наложил фотографии на карту. – Дачи и частный сектор – там нужно армейским подразделением прочесывать. Егор Михайлович, а сами вы что думаете? Маньяк? Вроде Джумангалиева?

– Может и маньяк, а может и кто-то с той стороны... Не знаю я, Сергей, не знаю. Но даже если маньяк, ты лучше справишься, чем местные анискины.

Сергей промолчал.

– Я на кладбище был в субботу, – опять отвернулся к окну Егор Михайлович. – Что же ты не сказал, что памятник Лене на могилу поставил?

– Так получилось, – развел руками. – И что об этом говорить? Пустое...

– А деньги? – Егор Михайлович повернулся и пристально посмотрел на Сергея. – Памятник кучу денег стоит.

– Я, как сейчас говорят, на хозрасчете, – встал со скрипучего стула, сворачивая карту. – Не надо мне денег.

– Сергей, ты рискуешь с этими своими делишками. Цеховики эти, кооператоры...

– Это мое дело!

– Хорошо, делай, как знаешь, – устало махнул рукой. – Сережа, поедешь ты не один. Паренек один есть на примете.

– Что за паренек?

– Миша зовут, комиссовали «из-за речки» недавно. Его

отделение в горах на шайтана напоролось.

– Печально.

– Шайтан всех положил, один Миша остался. Штыком шайтана завалил.

– Хм, догадался, что пули его не возьмут?

– Не знаю, но когда стал рассказывать, решили что сошел с ума от страха и быстренько комиссовали. Парень один, на гражданке никому не нужен.

– Я тут при чем?

– Племянник он мой, сестры сын...

– Лена не говорила, что у нее есть двоюродный брат.

– Она много чего не говорила... Я матери его обещал позаботиться, если что.

– У нас шансов сыграть в ящик больше, чем в Афгане.

Устройте его водителем куда-нибудь или в таксопарк.

– Шайтан его укусил...

– Твою мать! – хлопнул ладонью по столу.

– Поэтому и прошу, чтобы ты взял над парнем шефство.

По-человечески прошу, Сережа.

– Что он знает о нашей работе? – медленно спросил Сергей.

– Я вкратце обрисовал.

– Стрелять умеет?

– В учебке научили.

– Ладно, штыком владеет – для начала хватит. Стрелять научится, если в живых останется. Все?

– Поедете как инженеры «Красного пролетария», – протянул толстую папку из кожзама. – Тут билеты, удостоверения и деньги.

– Хорошо, – взял папку, пожал руку пожилого, прихрамывая, пошел к двери.

– Береги парня, – сказал Егор Михайлович в спину зятя.

– Постараюсь.

– И сам не рискуй.

– Попытаюсь, – вышел из кабинета.

Егор Михайлович, разом обмякнув, смотрел вслед.

Поезд прибыл рано утром.

– Интересно, до гостиницы далеко? – глядя на медленно приближающийся пустой перрон, спросил Миша.

– Далеко, – Сергей деловито затянул ремень на чемодане. – Она в другом районе.

– Как добираться будем?

– Через пятнадцать минут в ту сторону пойдет электричка.

– Почему там? Ближе нет?

– Потому, что мы с тобой инженеры, приехали перенимать опыт на машиностроительный завод, а гостиница при заводе.

– Придется на завод идти? – совсем по-детски спросил парень.

– Конечно, командировки же надо отметить.

– Ясно.

Поезд остановился. Немногочисленные пассажиры потянулись к выходу.

– Счастливого пути, – привычно желала замотанная проводница.

– До свидания, – сказал Миша.

Сергей молча кивнул.

Утренняя прохлада обняла приезжих.

– Пригородные кассы там.

– Сергей Викторович, вы тут уже были?

– Миша, у нас по всей стране вокзалы похожи. С незначительными различиями. И если бы я тут был, то вряд ли пришлось возвращаться, – запахнул дефицитный югославский плащ и зашагал к кассам.

Сонная дежурная равнодушно смотрела новенький «Рубин-714».

– Здравствуйте. У вас забронировано?

– Бронировано, – Сергей подошел к стойке с пыльной табличкой «Мест нет». – На фамилии Чащин и Снегов.

– Сейчас проверю. Молодой человек, – посмотрела на Мишу, – пока делать нечего, поправьте антенну.

Миша посмотрел на старшего.

– Поправь, – кивнул Сергей.

Дежурная ковырялась в каких-то журналах, Миша неуверенно потрогал рогатую антенну на телевизоре.

– Из Москвы? – наконец спросила женщина.

– Да.

– Двухкомнатный?

– Да.

– Надолго?

– Пока не знаем, командированные мы.

– Учтите, больше месяца жить нельзя.

– Я знаю, не первый день замужем.

* * *

– Давайте сюда паспорта, а сами пока заполняйте анкеты, – протянула два пожелтевших листочка. – Вот ключ, – сняла с доски за спиной ключ с большой деревянной биркой.

– Двенадцатый номер. Будете выходить – ключ сдавайте. Карточки гостя носите с собой, без них ключ не дадут. Буфет на втором этаже. В буфете яйца есть куриные, бутерброды, сардельки бывают. Все ясно?

– Ясно, – Сергей подхватил паспорта и ключ и уверенно пошел по коридору.

Миша, оставив в покое антенну, поспешил за ним. Администратор вновь безучастно уставилась на экран.

– Прибыли, – Сергей положил чемодан на кровать и, подойдя к окну, подозрительно осмотрел улицу.

– Что дальше? – Миша сел на одеяло, напомнившее недавнюю армию.

– Надо бы завтрак сварганить, – кивнул на графин, достал

из чемодана жестяную банку индийского кофе, буханку хлеба, банку тушенки и маленький кипятильник. – Схожу, воды наберу, а ты пока тушенку на хлеб намажь, пожую.

После завтрака карта переключалась на столик.
– Три района, почти четыреста тысяч жителей, – водил ка-

рандашом по карте Сергей, – особых достопримечательностей нет. Начнем где-нибудь здесь. Спустимся в овраг и пойдем вдоль реки.

– Что ищем? – Миша отхлебнул остывший кофе.

– Пока не знаю. Наша с тобой цель – частный сектор и дачи.

– И что, вишни с яблонями осматривать будем? Как мы найдем нужные?

– Я, – Сергей тяжело посмотрел на парня, – почувствую. Ясно? Он находится где-то здесь. Мне надо просто «зацепиться» за него. Еще вопросы?

– Так точно, – подобрался Миша. – Когда мы его найдем, что будем делать? Милиции сдадим?

– Миша, ты совсем того? Отдать его нашему, самому гуманному в мире суду? А доказательства? Ты, когда в горах штык в шайтана втыкал, о суде и милиции думал? – глаза за стеклами очков налились свинцовой тяжестью, стали серыми и тусклыми, как бетон.

– Нет, – медленно ответил Миша, отводя взгляд.

– Нет, – повторил Сергей. – Ты просто взял и воткнул штык в, кстати, как он выглядел?

– Старик, это был старик...

– Всадил штык в старика, без всякого суда и следствия. Так?

– Он ребят, – Миша сглотнул, – ребят на куски порвал. Они стреляли, а ему хоть бы хны! – голос дрогнул.

– Ты молодец, парень, – взгляд Сергея потеплел, – и все сделал правильно. И тут мы тоже должны все сделать правильно.

– Но маньяк, – Миша осторожно подбирал слова, – он же человек?..

– Тот, кто такое делает, сам лишает себя статуса человека. Значит, и поступать с ним надо так, как ты поступил с той тварью.

– А если его тоже пули не берут?

– Тогда осинового кол, пули серебряные, святая вода.

– Святая вода? Из церкви что ли? – удивился Миша.

– Не из всякой церкви, но да.

– Но бога же нет, нам так в школе говорили, почему она действует?

– Не знаю, но она действует. Так и с, – запнулся, – пророками. Никто не понимает, как они действуют, но действуют.

– Они кто? – осторожно спросил Миша.

– В пятьдесят четвертом на Тоцком полигоне, – нехотя ответил Сергей, – проводились учения. Солдат и технику прогнали через эпицентр атомного взрыва.

– Как в Чернобыле?

– Примерно. Кто-то умер, кто-то жил, как ни в чем не бывало. У некоторых родились дети... а потом внуки... некоторые из них отличаются...

– От кого?

– От тебя, от меня, от других детей, – неожиданно раздра-

женно ответил Сергей. – Не важно. У некоторых проявились странные способности. Они могут видеть будущее. Комитет собрал их и использует...

– Комитет?

– КГБ. Что ты так на меня смотришь?

– Мне дядя Егор, ну Егор Михайлович сказал, что у вас...

– Что? – Сергей как-то обмяк.

– Ну... сын... пророк...

– Хватит! – Сергей выставил ладонь. – Вводный инструктаж проведен, принимаемся за дело, – встал, сложил карту, одел плащ.

Достал из чемодана наган, засунул за пояс.

– Вы прямо так, с пистолетом пойдете?

– Да, – деловито уложил в авоську оставшийся хлеб, пук зеленого лука, стаканы. – Что может быть безобиднее, чем гуляющие по городу подвыпившие командированные?

– А если милиция?

– Отдам червонец, – аккуратно достал из чемодана бумажный пакет с вареными яйцами и добавил в авоську. – Сегодня суббота, милиция сама отдыхает.

– А мне?

– Что тебе?

– Оружие, – покраснел Миша.

– Нож у тебя есть, пока хватит. И не бойся, сделай то, что надо. Помнишь, в кино, есть такая профессия Родину защищать?

– Помню.

– Ты ее в Афгане защищал, интернациональный долг выполнял. Теперь здесь будешь защищать.

– Там понятно было, – внезапно севшим голосом сказал Миша, – в кого стрелять. А тут?

– И тут разберемся, не суетись, солдат. Чемодан надо в сейф сдать, – поднял с кровати.

– Не бойтесь?

– В номере оставлять опаснее, мало ли кто тут шарится. Меня пару раз пытались в гостиницах обокрасть. Неси, только аккуратно, яйца не разбей, – отдал авоську Мише.

– Крупные. Чьи такие?

– Гусиные. Пошли

На улице заметно потеплело.

– Сейчас садимся на троллейбус, – Сергей уверенно шагнул по городу, – и едем к автовокзалу.

– Зачем?

– Там должны стоять таксисты. Купим у них водки.

– У таксистов?

– Хочешь попробовать в магазине? – нехорошо усмехнулся Сергей. – По талонам в очереди? Так еще «ленинский час» не наступил. Да и сомневаюсь, что тут кроме морской капусты даже по талонам что-то продается.

– Нет...

– В ресторане?

– Нет... может на рынке?

– Здравая мысль, но рынок напротив автовокзала. Значит, таксисты. Вон и наш троллейбус идет, поехали.

– Земляк, выпить есть? – улыбнулся Сергей мордату таксисту.

– В магазине, по червонцу, – буркнул таксист. – И не факт, что привезут.

– А если побыстрее?

– Пятнашка, – воровато оглянулся по сторонам.

– Дорого, земля, – Сергей все так же улыбался. – Помоги, трубы горят. Будь человеком.

– Четырнадцать.

– Вот дело, – вынул деньги.

– Народ и партия едины, – таксист с усмешкой кивнул на плакат на стене автовокзала, – различны только магазины.

– Что делать? – пожал плечами Сергей.

Купив водку, сели в другой троллейбус, проехали проспектом Ленина мимо площади Ленина.

– Красивый город, – сказал Миша. – Зелени много.

– Обычный город, просто ты за речкой отвык от зелени.

– Людей немного.

– Выходной, все на дачах, за городом.

Вышли на конечной остановке.

– Река там, – показал Сергей в сторону деревьев. – Спустимся к реке и пойдем вдоль.

– Плащ ваш не сильно приспособлен для прогулок на природе.

– Зато никто не подумает, что я прячусь.

Крутой спуск к реке напоминал глубокий овраг.

– А тот берег пологий, – посмотрел через реку Миша.

– Есть такой, – кивнул Сергей. – У большинства рек в Северном полушарии правый берег всегда крутой.

– Правда? – удивился парень. – А я не знал.

– Теперь знаешь. Ты как, переплывешь?

– Я плавать не умею, – залился румянцем Миша. – А вы?

– А я умею. Тут и начнем, – Сергей достал из кармана бутылку. – Чего стоишь? Постели газету, доставай стаканы!

– Прямо здесь пить будем? – Миша оглянулся назад, где за деревьями еле слышно шумел город.

– Прямо здесь. Мы же приезжие, ничего тут не знаем.

Миша, решив не спорить, расстелил «Правду», поставил на нее стаканы, положил хлеб, лук, сверток с яйцами.

– Охотники на привале, – расстегнув плащ, Сергей присел на корточки. – Хлеб порежь, – достал из кармана кулек с крупной пожелтевшей солью, выложил на «Правду». Сковырнув головку, до половины налил стаканы.

Миша, усевшись на подстеленную газету, порезал хлеб.

– Бери, не чокаясь. Будем.

Выпили. Поморщившись, Сергей взял лук, макнул в соль, зажевал. Миша потянулся к яйцу.

– Не трогай! Хлеб с луком ешь.

– А яйца? – обиженно спросил парень.

– Не яйца это, Михаил. Это оружие последнего шанса.

– Яйца?

– Возьми и посмотри, только аккуратно.

Миша взял яйцо.

– Тяжелое.

– Граната, начиненная серебром и замаскированная под яйцо. Побочная продукция оружейников Комитета, – снова разлил по стаканам. – Конверсия, мать ее, в действии. А вон те – с термитной смесью. Один хороший человек, земля ему пухом, сделал. Хорошая штука. Надо только сильно надавить большим пальцем на тупой конец яйца и все, бросай. Ладно, бери, не чокаясь. Вздрогнули.

Выпили.

– Передайте Ильичу, нам и десять по плечу... – Сергей задумчиво покачал бутылку, рассматривая оставшуюся водку. – Теперь слушай, – перевел неожиданно трезвый взгляд на слегка «поплывшего» Мишу. – Пойдем в ту сторону. Оно где-то здесь, я чувствую. Не спрашивай как, – заметив попытку напарника, прервал. – Чувствую и все. Держись в паре шагов позади и что-нибудь рассказывай. И будь готов ко всему, – встал. – Собрать ничего не забудь. И стаканы не по сей, – спрятал бутылку, – а то в гостинице высчитают за них.

Поспешно собрав остатки пиршества, Миша пошел следом.

– А что рассказывать? – спросил тихо.

– Не знаю... «Ты семнадцать мгновений весны» смотрел?

– Да.

– Вот и рассказывай.

– Ну, там... – идти средю кустов, деревьев и крапивы, успевшей вымахать выше пояса, было нелегко, но Миша упорно рассказывал.

Слева вверху замелькали дощатые заборы. Домики.

– Вот и пришли, – поднял руку Сергей.

От реки мирно пахло тиной. После запаха гор, горячей пыли и ароматов армейского госпиталя, тина пьянила не хуже водки. В реке плеснула крупная рыба.

– Смотри внимательно, где-то должна быть тропинка вверх.

– Если ее тут нет? – перевел дух Миша.

– Есть, как-то они ходят рыбу ловить? Или стирать на речку. Или за водой?

Тропинка вынырнула из-под ноо почти сразу.

– Поднимаемся вверх. Если что, то ищем Кольку Пискунова, он с зоны пришел недавно.

– А кто это?

– Не знаю, я только что имя придумал. Кстати, обратил внимание, что тут птиц нет?

– Разве нет? – завертел головой.

– Наверху в городе голуби, воробьи, а тут, в лесу возле реки, где их должно быть полно – тишина.

– Как в «Женитьбе Бальзамина», – поднявшись к покосившимся заборам, сказал Миша. – Фильм такой, – на недоуменный взгляд Сергея объяснил он.

– Интересный? – равнодушно спросил Сергей.

– Да, там Вицин снимается.

– А теперь помолчи.

Крепко уперевшись кирзовыми сапогами в землю проход перегородили двое мужиков, глядя на подходящих мутными полужакрытыми глазами. Михаил подобрался.

– Пройти можно? – спросил Сергей.

– Можно Машку за ляжку и козу на возу, – осклабился стоявший слева, в грязной тельняшке.

– Разрешите пройти, – снова сказал Сергей.

– Вы чего тут шароеб... сь? – спросил второй, одетый в лоснящуюся фуфайку горчичного цвета.

– Кольку Пискунова ищем, он откинулся недавно. Не знаете?

Мужики с усилием переглянулись.

– Что за дела? – спросил тельняшка.

– Дело к нему, ему и скажем.

Местные застыли, будто прислушиваясь к чему-то.

– Нет у нас никакого Пискунова, – выдал телогрейка, – проваливайте отсюда.

– Где же хваленое местное гостеприимство?

Мужики снова застыли безмолвными истуканами.

– Хорошо, мы уходим, – Сергей примиряюще выставил ладони, широко улыбнулся и пьяно покачнулся, едва не упав. – Нет, так нет. Пошли, Дима, – хлопнул Мишу по плечу, – поищем в другом месте. Не будем мешать людям.

Развернувшись, пошли обратно. Возле тропинки к реке Миша не выдержал и оглянулся. «Аборигены» стояли, молча глядя вслед. По спине парня пробежала дрожь.

– Не оглядывайся, – сквозь зубы процедил Сергей. – Не надо провоцировать их.

Обратный путь прошел в молчании.

– Допьем, – повелительно сказал Сергей, поравнявшись с местом пикника.

– Газеты расстилать?

– Стоя выпьем, не बारे. Стаканы только достань, не охота из горла хлебать.

Добили водку. Сергей, подойдя к воде, тщательно вымыл бутылку и отправил плыть по течению.

– Сергей Викторович, зачем вы ее мыли?

– Отпечатки, Миша, отпечатки. Мало ли что произойдет здесь ночью, и мало ли кто будет осматривать место происшествия. Негоже оставлять свои «пальцы» на чем ни попадя.

– Сегодня ночью?

– Чем тебе не нравится нынешняя ночь? Луна будет полной, самое время для романтических прогулок.

– Для романтических прогулок нужна девушка, – робко пошутил Миша.

– Будет девушка, – заверил Сергей, – всем девушкам девушка. С косой... острой такой... Пошли, нам пора.

– Вы думаете, это здесь? – глядя в широкую спину, спросил Миша.

– Где-то поблизости, будь уверен, – обернувшись, трезво посмотрел на напарника Сергей. – Эти два жлоба не сами по себе стояли, как два тополя на Плющихе. Их кто-то контролировал, – снова зашагал вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.